

18+

Сайд-Хасан Кацаев

Во тьме

Рассказы и миниатюры

Сайд-Хасан Кацаев

Во тьме. Рассказы и миниатюры

«Издательские решения»

Кацаев С.

Во тьме. Рассказы и миниатюры / С. Кацаев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-641682-6

В книгу чеченского писателя Сайд-Хасана Кацаева вошли произведения, написанные в разные годы. С.-Х. Кацаев пишет в жанре рассказа. Его рассказы отличаются автобиографичностью и занимательностью сюжета. Он является одним из реформаторов современной чеченской прозы. Название книги «Во тьме» имеет символический характер и определяет основную идею автора — извечное противостояние Добра и Зла, Света и Тьмы. Произведения С.-Х. Кацаева разнообразны и объединены чувством глубокой любви к Родине.

ISBN 978-5-00-641682-6

© Кацаев С.

© Издательские решения

Содержание

ВО ТЬМЕ	6
РЭЙ БРЭДБЕРИ	6
ВО ТЬМЕ	9
МАШАР	12
СВИДЕТЕЛЬ	20
ФРАНЦ КАФКА	27
ЗАВЕЩАНИЕ	34
УЧИТЕЛЬ	35
О ГОРДОМ ЗАКРИ	38
Предисловие	38
В лесу	39
Скромность	39
Мужчина	40
Сахар	40
Собачий нрав	40
Револьвер	40
Конь	41
Самообладание	41
Княжна	41
Щедрость	41
Князь Закри	41
Смерть	42
Послесловие	42
АВТОПОРТРЕТ	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Во тьме Рассказы и миниатюры

Сайд-Хасан Кацаев

© Сайд-Хасан Кацаев, 2024

ISBN 978-5-0064-1682-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВО ТЬМЕ

РЭЙ БРЭДБЕРИ (История любви)

В ту пору я учился в девятом классе.

Она была нашей учительницей.

Только двое-трое самых близких друзей знали о наших отношениях.

Люди обычно любят сплетничать. Особенно о красивых и молодых незамужних женщинах. Наши же отношения были чисты.

«Несмотря на взаимные чувства, между нами ничего не было. Что у нее может быть общего с другими?» – думал я.

Я не верил всем этим сплетням и пересудам. Но со временем мы отдалились друг от друга. Я перестал ездить к ней, и мы не виделись по нескольку лет. Этот мир и люди были совсем не те, какими мне казались в юности. Иллюзии давно рассеялись...

Я думал: нет в мире сил, способных помешать нам. Я буду с ней счастлив. И по шариату, и согласно светским законам, мы могли пожениться. Но адаты запрещали.

Она как-то дала мне прочитать рассказ одного зарубежного автора. Кажется, он был напечатан в журнале «Огонек».

Ученик влюбился в свою учительницу. По утрам, как бы невзначай, встречал ее неподалеку от дома, где она снимала квартиру и шел с ней в школу, помогая нести книги. Он находил любую причину, чтобы остаться с ней наедине. После уроков, пока она проверяла тетради, приносил ведро с водой, старательно мыл доску, вытряхивал тряпки, сворачивал карты... Когда наступала пора идти домой, он подавал ей шляпу и пальто.

Она тоже полюбила его, но понимала, что так продолжаться не может. И решила поговорить с ним об их странных отношениях.

– Тебе только неполных четырнадцать лет, а мне двадцать четыре. Надо помнить о том, что могут сказать о нас люди. Я, наверное, переведусь в другую школу.

– Не нужно. Скоро мы переезжаем в Мэдисон.

– Надеюсь, не из-за всего этого?

– Нет, просто отец нашел там работу. Это близко. Всего в пятидесяти милях. Разрешите я иногда буду приезжать, чтобы увидеться с Вами?

– Думаешь, это хорошая идея?

– Нет, пожалуй, нет, – сказал он и, немного помолчав, выпалил: – Если б только Вы меня подождали!

– Десять лет?

– Мне тогда будет двадцать четыре.

– Но мне тогда будет тридцать четыре. Вряд ли это возможно.

– А Вам бы хотелось? – спросил он.

– Да, – тихо ответила она. – Мне бы очень этого хотелось! Но ты забудешь меня. Жизнь так устроена.

– Я никогда Вас не забуду! – заверил он.

Прошло много лет... Однажды в Гринтаун вместе с женой приехал молодой мужчина. Оставив жену в отеле, он вышел в город прогуляться и стал расспрашивать об учительнице.

Ему сказали, что она умерла и показали могилу. Девушка скончалась вскоре после его отъезда...

Помню, тогда меня не очень тронул этот рассказ.

Сказка какая-то!

Убийство из-за ревности и смерть от тоски по любимому я допускал лишь в трагедиях Шекспира. У писателей же других эпох дуэли и самоубийства вызывали мое недоверие, даже к Гёте, автору знаменитого «Вертера». Исключение, может, составляли арабы средневековья. «Полюбив, они умирают...»

В том рассказе первым влюбился юноша.

Я же начал за ней ухаживать лишь после того, как узнал о ее чувствах ко мне.

Мне исполнилось двадцать пять лет.

«Теперь я старше ее тогдашней, – думал я иногда. – Сколько же ей было лет? Двадцать? Двадцать один? Мне – шестнадцать».

Они давно переехали в другое село. Женился ее младший брат. Она нянчит племянников. Но замуж так и не вышла.

Она была очень милой и обаятельной, ласковой со всеми. Много мужчин просило ее руки. И женщины недолюбливали ее за красоту и редкую доброту. У завистливых людей черные сердца и злые языки. Может, поэтому люди возводят на человека напраслину?

Без какой-либо видимой причины, словно от порчи или сглаза, она внезапно заболела. Ее беспокоила нога, плотно перевязанная и незаживающая, несмотря на всевозможные лекарства и мази. Но я никак не допускал мысли, что она может умереть от этой болезни.

Сначала я не поверил, когда услышал об этом.

Речь, наверное, идет о другой...

Когда умирает кто-то из близких и родных, сердце долго не может смириться со смертью.

«Он не умер, – думаешь ты, – он просто куда-то уехал. Его просто нет дома. Но скоро мы увидимся...»

За долгие годы болезни отца, приезжая домой, я настолько привык видеть его в своей комнате, что еще несколько лет после того, как случилось неизбежное, не допускал мысли, что его нет, и я больше никогда не увижу его. Он находится у себя. Отдыхает, спит. Вот-вот он проснется и выйдет, и мы вместе сядем за стол...

За годы войны людям пришлось пережить многое.

Чего только не пришлось увидеть, испытать!

– Придет время, когда живые будут завидовать мертвым! – говорили святые отцы. – Глаголющие истину будут плакать, а изрекающие ложь – смеяться.

Когда танки и пехота не в силах штурмом взять очередной населенный пункт – в ход идут дальнобойные орудия и крылатые ракеты. В основном, погибают мирные люди. Родные часто не находят убитых, чтобы предать их останки земле. В захваченных селах и городах контрактники насилюют женщин, молодых девушек и сжигают их заживо. Больных стариков и детей, прячущихся от самолетов и артиллерии в подвалах домов, забрасывают гранатами. Осколки снарядов убивают младенцев еще в колыбели.

Умершего своей смертью сегодня считают счастливым.

– После всех этих ужасов, умершего естественной смертью не приходится и оплакивать, – говорят люди. – Вот и настало время, когда живые завидуют мертвым. А мы то наивно полагали, что этого не может быть!

...На похоронах я попросил позвать ее мать.

Ее вывели под руки. Старая и больная, убитая горем, она еле держалась на ногах. Увидев меня, тихо заплакала и обняла.

Мне с трудом удалось произнести слова соболезнования. На глазах выступили слезы. Я сумел их сдержать. Но сердце мое плакало...

Мать ненадолго пережила дочь. Мне не удалось побывать на ее похоронах. Я слишком поздно узнал о ее смерти. Сначала война закрутила меня, потом я долго и тяжело болел.

Люди только по крайней необходимости выходили из родного села. Невозможно было передвигаться, повсюду стояли посты и войска. И никто не знал, что творится в мире и в соседнем селе. Люди мучились от страха, от голода и холода, от безработицы и безденежья, от отсутствия человеческих прав и условий, не понимая происходящего и не видя будущего.

Все были заложниками этой войны.

В столь тревожное время самой большой радостью было, когда дом наполнялся светом. Можно посмотреть телевизор, послушать «Вести» (может, передадут что-нибудь хорошее!). Хоть чуточку спокойнее. Но свет и газ давно отключили. Потом, старейшины и представители ряда сел, подписали с военным командованием документ о лояльности к «федералам», и дали свет, позже и газ...

Все эти воспоминания всколыхнулись во мне, когда я прочитал «Рассказ о любви» американского писателя-фантаста Рэя Брэдбери.

На днях я листал небольшую книжку, в которой нашел тот давний рассказ. Думаю, что именно тот, потому что двенадцать лет назад я мало интересовался фамилиями писателей, не вошедших в школьные хрестоматии.

«Это была неделя, когда в Гринтаунскую летнюю школу пришла преподавать Энн Тейлор. Ей тогда было двадцать четыре года, а Бобу Сполдингу не было и четырнадцати».

Да, она мне дала прочитать именно этот рассказ. Второго такого быть не может! Он написан очень просто и ясно. И нет в нем ничего фантастического. Это жизнь. Настоящая жизнь!

Теперь, после всего, что было: смерти той, которую я любил, а я стал на несколько лет старше ее, рассказ Брэдбери больше не кажется мне сказкой.

Я никогда ее не забуду.

Хотя нам не выпало счастье жить вместе, и она никогда не была моей, – всех своих знакомых девушек я всегда сравниваю с ней. Такой близкой, родной, да, именно, родной, не была ни одна. Да и теперь...

«Как бы сложилась ее судьба, останься она жить?» – думаю я иногда.

Ей пришлось бы увидеть это подлое, бесстыжее время.

Пусть я тяжело перенес эту утрату – все-таки хорошо, что она не увидела этого мракобесия. Она была слишком хорошим, слишком чистым человеком. Она не вынесла бы жестокости и дикости этих дней.

Наверное, зная это, Бог забрал ее к себе...

1995

ВО ТЬМЕ

Лето. Тихая, нежная ночь. Мне восемнадцать лет.

Последний трамвай, скользя и постукивая колесами по рельсам, уходит в парк. За полночь. Ждать дальше не имеет смысла. На остановке, напротив школы, на длинной скамейке со мной сидят три девушки. Видно, что они после вечерней смены. Недалеко находится швейная фабрика. Иногда вечером мне приходилось выходить здесь, где трамвай заворачивает в микрорайон. В это время, словно голуби из гнезда, девушки выходили из-за ворот фабрики и разлетались по всему городу.

Я только подошел, и мы еще не знакомы. Хотя товарищ и уговаривал остаться у него на ночь, я пытаюсь добраться до общежития. Только на своей койке я могу спокойно уснуть.

– Не поздновато ли для прогулки? – обращаюсь я к девушкам.

Они молчат, и я более не пытаюсь завязать разговор. Девочки начинают о чем-то шептаться, поглядывая в мою сторону. Одна еле слышно произносит: «нет», «нет», пытаюсь за руку остановить подругу. Та поворачивается ко мне.

– Парень, как тебя зовут?

Слабому полу ни в чем не откажешь. В этом их сила!

Я называю свое имя.

– Ты студент?

– Да.

– Мы идем с работы. Все равно больше трамвая не будет. Ты не мог бы проводить нашу подругу? Нам двоим нужно в микрорайон. Мы не хотели оставлять ее одну. Тебе можно доверять? Ты живешь на «Минутке»?

– Я не пойду. Вы идите, – говорит девушка. – Я подожду.

– Ты проводишь ее?

– Не беспокойтесь, – говорю я им. И кричу вслед: – Если завтра ее не будет на работе, ждите стариков с калымом.

Они, посмеиваясь, уходят, довольные шуткой. Мы остаемся одни.

Немного погодя я спрашиваю:

– Ну, что будем делать?

– Ты иди, – отвечает она. – Я подожду.

– Но ждать нет смысла.

Глухое место. Вокруг ни души. Я чувствую, что она побаивается меня.

– Если хочешь, мы можем просидеть тут до рассвета. Утром мне надо быть на занятиях, но я не могу так уйти, – стараюсь я объяснить. – Ведь твои подруги думают, что ты со мной. И неизвестно, кто придет после меня.

Я не пытаюсь ее напугать или принудить к чему-либо. Но нужно трезво оценивать обстановку. Меня задевает ее недоверие. Я могу, конечно, при взаимной симпатии, поухаживать за девушкой, но никогда не злоупотреблю ситуацией и беззащитностью девушки. Возможно, мы никогда больше и не увидимся, но хочу, чтобы она доверилась мне. Я готов оказать ей братскую помощь. Она молча сидит нахохлившись, словно маленькая птичка. Я бы не заснул спокойно, оставив ее здесь одну.

– У тебя есть брат? – спрашиваю я.

– Нет, – отвечает она.

– У меня есть сестра, – говорю я.

Она, не говоря ни слова, встает со своего места и идет за мной...

Калой, победивший на мужских соревнованиях, согласно древним языческим традициям, должен пройти последнее испытание: провести ночь в пещере наедине с первой красавицей села, сохранив чистые отношения.

Вот идут они по лесной тропинке, победитель и первая красавица, он – впереди, она – следом. Плотным кольцом их обступают вековые деревья. Калой давно влюблен в Дали, и больше смерти боялся, что права этой ночи удостоится другой. Дали окликает идущего впереди Калою.

– Что? – оборачивается он.

– Можно мне идти впереди? У меня такое чувство, будто кто-то крадется сзади и хочет наброситься на меня.

Идя за ней, Калою поневоле приходится смотреть на прекрасную Дали, любоваться ее молодым, стройным телом. Незаметно от девушки, Калой острым кинжалом сделал надрез на ладони и посыпал его солью, чтобы жгучей болью унять дьявольское влечение. Сжимая кровоточащую рану, он спрашивает:

– Теперь ты не боишься, что кто-то сзади набросится на тебя?

– Нет, теперь я не боюсь, – отвечает Дали.

...В небе много ярких звезд. Когда мы приближаемся к дорожным столбам, свет фонарей становится ярче, и звезд не видно, потом они появляются вновь. Улицы города пустынные. На этом промежутке почти нет жилых домов. Мы подходим к железнодорожному мосту.

Я еще не спросил девушку, как ее зовут, и увижу ли ее еще. Пусть не считает себя обязанной. Если где-то в глубине души у нее еще остаются сомнения на мой счет, то я и их хочу рассеять. Я веду с ней непринужденную беседу, избегая двусмысленных слов, чтобы она не волновалась зря. Так и дорога покажется короткой. Я даже не пытаюсь заглянуть ей в лицо. Наверное, завтра при встрече я и не узнаю ее. Но чувствую, что она молода и красива.

– Ты пришел, – говорит она перед студенческим общением. – Дальше я пойду одна.

– А мы что, провожали меня? – смеюсь я и сопровождаю ее до самого дома.

Прежде чем войти во двор, она чуть задержалась перед калиткой, словно ждала чего-то или каких-то слов на прощание...

Восемнадцать лет! Чистые души, чистые мысли! В эту пору молодых, как никогда, тянет друг к другу, любовь слаще меда и каждое слово – бальзам. Каждая встреча – событие! Радует каждый взгляд! В селах – у родника, на вечеринках и свадьбах; в городе – в кинотеатрах, кафе, учебных заведениях, у подъездов многоэтажек, в скверах, на скамейках под деревьями... В семнадцать-восемнадцать лет больше солнечного света любишь лунный свет. И рука тянется к руке... «У тебя есть брат?» – «Нет», – ответила она. – «У меня есть сестра», – сказал я, и она доверилась, и пошла со мной.

– До свидания, – говорю я ей.

– Спасибо тебе, – отвечает она, тихо открывая низкую калитку.

...Дойдя до пещеры, Калой нарвал листья папоротника и, устроив мягкое ложе, снимает с себя черкеску. Объяснив его действия по-своему, Дали поняла, что она погибла...

– Калой, ради Бога, – взмолилась она.

– Я хочу, чтоб ты укрылась ею, – сказал Калой.

В ту ночь девушке приснилось, что она вышла замуж за Калою. И сон ее (народная примета!) сбывается. Злые языки украдкой шепчут: «Видать, неспроста она вышла за него замуж. Знать, был грех...»

Прошло более двадцати лет с тех пор, как я прочитал роман Идриса Базоркина «Из тьмы веков». Вероятно, одно из лучших произведений вайнахской литературы.

С той ночи, когда я на трамвайной остановке встретился с тремя девушками и проводил одну из них до дома, минуло пятнадцать лет. Тогда же пару раз мне передали от нее привет. Может, тем самым она приглашала на свидание. Не знаю. Мы больше не встречались. А если случайно и встретились, то прошли мимо, так и не узнав друг друга...

2001

МАШАР

Мой младшенький трехлетний брат Салман, не чуя земли под ногами, гонялся по двору за большим мячом. Наш просторный двор был очень удобен для игры. Трава, росшая на нем, ровная, будто подстриженная, была мягкой и шелковистой. Упадешь, и не почувствуешь боли.

В том году я училась во втором классе. Учительница хвалила меня за хорошую учебу. Папа еще до школы научил меня читать и писать. Я знала наизусть много сказок и стихов. Стихи, как и песни, легко запоминались. Каждая последующая строчка в них была связана с предыдущей чем-то неуловимым для меня по смыслу и звучанию и выговаривалась сама собой. В сказках же мне нравилось то, что в них всегда побеждали добро и правда, хотя зло – до последнего – не уступало им. Папа знал великое множество сказок. И каждый раз, вечером, когда можно было отдохнуть от забот рабочего дня, он рассказывал их нам...

Ласково сияло над нами осеннее солнце. Устав гоняться за мячом, Салман подсел к маме и стал играть с котенком, который, сколько бы ни мучил его брат, никогда не царапался и не мяукал. Видно, и котенок понимал, что Салман такой же маленький, как и он, и что нельзя его обижать.

Мама в это время пекла в чеченской печке лаваш. Щеки ее покраснели. Повернув сковородку и переложив лаваш, или поправив огонь и собрав золу, она сама поворачивалась к брату и ласково улыбалась ему.

Папа недалеко от нас колот дрова. Сначала бензопилой он распиливал ствол чинары (его приволокли днем раньше) на небольшие брусочки. Потом на широкий большой брус ставил брусочек поменьше и с размаху опускал на него высоко поднятый топор. Поленья разлетались в разные стороны. Нагнувшись, папа подбирал их и раскалывал на еще более мелкие части. Папа получал удовольствие от этой работы. Футболка на его спине вся взмокла.

Я помогала маме мыть посуду.

– Пойди, позови папу пить чай, – сказала она.

Поставив вымытую посуду на чистое полотенце и вытерев руки, я подошла к папе:

– Мама зовет тебя пить чай.

– Иду, – ответил папа, не останавливая работу.

Увидев, что я стою и жду его, он повернулся ко мне:

– Не стой тут, щепки летят. Иди к матери.

Я отошла в сторону. Но теперь мама сама стала звать его:

– Слышишь? Иди к столу – лаваш остынет.

Загнав топор в брус, папа подошел и сел на табуретку у печки.

– И детям налей чаю, – сказал он маме и обратился к братику: – Салман, дай своему котенку кусочек лаваша.

– Машар, – папа посмотрел на меня, – помой руки мальчику и садитесь оба за стол.

Не успел он отложить кусочек хлеба для котенка, как над селом стали кружить два самолета. Долетели они до нас раньше своего гула. Явившись с востока и сделав на небе два больших круга, они выпустили ракеты в ближайший лес и исчезли на западе. Чуть позже появились еще два самолета. Они летели плавно, рядышком, словно пара журавлей, отставшая от стаи. Дети, не ожидая беды, вместо того чтобы прятаться, взобрались на деревья, крыши домов и смотрели в небо из-под ладошек, чтобы солнце не слепило глаза. Война еще только начиналась, и опасность не ощущалась. Не верилось, что будут стрелять в мирных, ни в чем неповинных людей, живущих дома. Видят же летчики из своих кабин, что здесь нет боевиков! Оказалось, и летчики бывают разные. Хотя первые два пилота тоже выполняли свои задания, они, пожалев детей, женщин, стариков и их жилища, сбросили свой смертельный груз в лес и улетели.

Вторые же ударили по школе, самому крупному и красивому зданию в селе, и по мельнице. Если бы не воскресный день, погибло бы много детей.

– Зайди с детьми в дом! – сказал папа, – да не стойте там возле окон, сядьте подальше – у стены, в углу!

Стены нашего дома были толстыми и крепкими. Лишь бы не было прямого попадания, ничего страшного не случится.

Как только мы зашли в дом и сели, послышался такой грохот, будто раскололось небо. Мама прижала к себе меня и Салмана и своим телом закрыла нас.

– Делах тешна!¹ – воскликнула она.

Эти слова мать всегда произносила во время грозы: при блеске молнии и раскатах грома.

– Самолеты прилетели и привезли моим деткам игрушки, – успокаивала она нас.

Но мне, прижавшейся головой к материнской груди, слышно было, как бьется ее сердце. Оно колотилось, будто хотело выскочить изнутри. Когда ровный гул самолета переходил во все усиливающийся вой и свист (значит, сейчас рванет), биение маминого сердца на миг останавливалось, словно работа часов с садившейся батареей. Потом оно возобновлялось, напоминая скачки секундной стрелки после легкого удара по часам.

После ракетных ударов по селу во всех жилых домах разбились не только стекла, но и оконные рамы. А двери, выбитые из петель, разлетелись по сторонам.

Дела² пощадил нас, мы остались живы. Но и маленький Салман, и я рыдали, прижавшись к матери. Папа, вбежав в дом, выхватил у мамы Салмана и начал читать азан (чтобы братик не заболел от испуга):

– Аллаху Акбар! Аллаху Акбар! Аллаху Акбар! Аллаху Акбар! Ашхаду анла илаха иллаллах! Ашхаду анна Мухьаммадан расулуллах!..

...В ту ночь на село было сброшено несколько глубинных бомб. Погибших не оказалось. Но были разрушены многие дома сельчан.

На следующий день папа сказал маме:

– Тебе с детьми надо уехать. Ненадежно здесь.

Еще в дни первой войны мамины родители уехали в Элисту после того, как в их дом попал снаряд. Жили они там и сейчас. В Элисту надо было пробираться и нам. Но маме не хотелось уезжать, оставив папу одного.

– Если и поедem, то все вместе, – заявила она.

– Мне неудобно останавливаться у твоих родственников, не имея даже пяточка в кармане, – ответил отец. – Устроив вас троих, я буду спокоен.

– Не хочу без тебя ехать, – повторила мама.

– Федералы пока занимаются устрашением людей. Неизвестно, что еще будет при вводе войск. Те, у кого есть машины и деньги, увезут свои семьи. У нас же нет ни машины, ни денег – даже на черный день. Что бы со мною ни случилось, для меня было бы утешением знать, что вы в безопасности.

– А если ты погибнешь, зачем мне жить?

– Речь не о нас с тобой. О детях...

– И я о детях. Если что с тобой случится, как я буду жить одна с ними? Не хочу, чтобы они росли сиротами и жалобно смотрели в глаза людей.

– Не говори глупостей. Я ведь не собираюсь умирать.

Если в село войдут войска, одному легче спастись. Буду с людьми.

– Сына отправим, а мы с дочкой останемся дома, – сказала мама.

– Нет, Машар нужно беречь. Здоровье у нее неважное, – ответил папа.

...В первую войну родителям пришлось в Грозном просидеть – со мной на руках – не одну ночь в сырых и холодных подвалах. В село мы переехали только после того, как снаряд попал в нашу квартиру. С тех пор я часто болею.

- Об этом не стоит и говорить. Я никуда не уеду, – резко возразила мама.
- В таком случае – мы разведемся, и тогда ты уедешь! – прикрикнул папа.

Я никогда не видела папу таким грубым. Это не значило, что он не любит маму. Он только хотел – любой ценой – оградить нас с нею от беды.

– Конечно, мне ты нужнее рядом, – продолжал он, помолчав. – Но мы должны защитить детей. Ради них нам необходимо сейчас расстаться... Ради того, чтобы сохранить детей, тебе сейчас надо уехать с ними.

...Кто-то на улице кликнул хозяев. Папа вышел. Мама пошла вслед за ним: нельзя в такое время выпускать мужчину одного из дому. Много незнакомых людей бродило тогда по селам. Все они были обвешаны оружием. Никто не знал, кто, когда и с какой целью подойдет к крыльцу его дома. Но оказалось, что к папе приехал друг из Надтеречного. Папа, обрадовавшись, бросился к нему в объятия:

– Как я рад твоему приезду, Мансур! Как дома? Здоровье? Семья как? Не видел никого из наших друзей? Скучал я по каждому из вас, не знал, где вы, кому и чем помочь.

Мама быстро накрыла – на скорую руку – стол. Она всегда поступала так, когда заходил гость. Если не было готовой пищи, она быстро подавала чай и что-нибудь сладкое к нему.

– Пока я буду готовить, выпейте, пожалуйста, чаю, – это ее обычные слова.

Гость может быть голодным. Тем более, если он приехал издалека. Не надо мучить желудок, пока варится мясо. Папа как-то сказал:

– Гостю не нравится, если в его присутствии ссорятся муж с женой; хозяйка, готовя пищу, стучит посудой; от невнимания и ругани родителей плачут дети. «Значит, я здесь лишний. Это всё делается, чтобы я больше не приходил», – думает гость. Гостю приятно, когда хозяева дружны и обходительны...

Я была еще совсем маленькой, но запомнила эти слова. Ну, а маме и вовсе не нужно было повторять дважды. Она скромна, но всё знает. Деликатна, приветлива.

Дядя Мансур рассказывал папе об увиденном и пережитом. В первые же дни войны были заняты их родные села. Надоело ему в Грозном жить безденежной и несчастной жизнью журналиста. Неудобно было перед женой, вышедшей торговать на рынок. Продав городскую квартиру, переехал в одно из просторных сел Притеречья, где живет его брат. Люди здесь не такие прижимистые, как в срединной части нашего края. И по характеру более мягкие. Здесь он нашел по сносной цене большой дом с участком. А на оставшиеся деньги смог купить машину, две коровы, кур. Да и брат помог.

– В моем родовом селе пустой участок не купишь за эти деньги. Там нехватка земли. А здесь я взял в аренду сорок гектаров земли, посадил арбузы, помидоры. Если сравнить это с городской жизнью, от зарплаты до зарплаты, то я почти стал буржуем, – рассказывал дядя Мансур.

Но пришла злая пора и сюда. Осенью, из-за войны, не успели они убрать урожай. И всё, что осталось на поле, погибло под гусеницами танков, колесами БТРов.

– Положив в багажник «жигулей» постель для детей, одежду, с мизерной суммой денег на руках, бросив всё, пришлось выехать из села. Имущество, дом, каким бы трудом они ни были нажиты, по сравнению с твоей жизнью, семьей оказываются в такие моменты неглавными. Но куда бежать? Села горной части Чечни подвергались налетам с воздуха, поэтому там было небезопасно. В первую войну в Дагестане можно было себя чувствовать спокойно. Аварцы и чеченцы-аккинцы, перегородив дорогу, не пускали к нам войска. Беженцам из Чечни бесплатно предоставляли квартиры, целые дома, помогали с питанием. В Чечню отправляли машины, груженные продуктами. Потом наступил мир, относительное спокойствие для жителей. И стоило нам расслабиться, между нами вбили клин вражды. Настроили против нас все соседние народы. Дело дошло до того, что достаточно произнести слово «чеченец», как людей уже воротит, – рассказывал наш гость. – Можно бы поехать к братьям-ингушам, но со стороны

Ингушетии в Чечню двигались военные колонны. Было объявлено, что для выезда мирных людей через ингушскую границу будет образован спецкоридор. В ту сторону и отправился дядя Мансур на своей машине, посадив в нее свою семью и семью брата. Но тут, неожиданно прилетевшие самолеты, стали обстреливать не только машины, но и людей: детей, женщин, стариков, которые шли пешком по дороге. Невооруженным глазом летчикам было видно, что это – мирные люди. Многие погибли и сгорели заживо, не успев отъехать или выскочить из автомашин...

После этого ада дядя Мансур с семьей оказался в Ингушетии. Долго искал жилье. Никто не обращал на него никакого внимания, хотя здесь жили его однокашники и бывшие коллеги по работе в Грозном. Никто не пригласил его к себе, никто не помог найти жилище. Цены на квартиры и дома поднялись в несколько раз. Кто был в состоянии – платил и покупал. За проживание на квартире в течение месяца – 100 долларов. Если в доме живут несколько семей, то каждая семья платит по 1000 рублей. Вместо того, чтобы понять тебя, начинают брюзжать. Детей нельзя выпускать на улицу – соберутся местные подростки и дерутся с ними. Записывая на беженцев, сельсовет выдает гумпомощь, поступающую от государства, местным жителям. Говорят: «Если не довольны, уезжайте домой. Кто вас приглашал?» Для самых обездоленных, правда, есть лагерь: ветхие палатки, стоящие в слякоти и на ветру.

Разместив, для начала, женщин и детей на квартире, он пытался вернуться домой. Там еще оставался брат. Надо было его забрать. Оставшийся в живых построит дом...

Два дня он находился в дороге, хотел вернуться к своей семье. До вечера стоял у блокпоста и возвращался обратно.

– ...Вчерашнюю ночь провел в Алхан-Юрте. Сегодня тоже не пропустили. Завтра утром опять попытаюсь, – говорил он.

Но на второй же день вернулся: опять не пропустили, даже за деньги.

– Семья там, а ты здесь. Нельзя так, Мансур. Если считаешь, что, при наличии жилья, жил бы вместе с семьей – не стесняйся, живи здесь, – сказал ему папа во время чаепития. – Нам здесь не будет тесно. Жену с детьми я отправляю в Элисту. Там живут ее родители.

– Грех не отправить семью, когда есть такая возможность. Неизвестно, что сегодня-завтра здесь будет. А о том, чтобы привезти свою семью в твой дом, не стоит и говорить. Я никогда не стал бы чуждаться и с благодарностью принял бы твое приглашение. Но когда они там – в Ингушетии – я чувствую себя спокойнее. Легче стеречься одному.

Даже в полночь, когда я неожиданно проснулась, папа и дядя Мансур еще не спали. При тусклом свете керосиновой лампы (электричество было отключено давно) вели они приглушенный разговор. На них навалилось большое горе.

Но глаза мои слипались и, перевернувшись на другой бок, я снова уснула.

Утром дядя Мансур уехал и больше не возвращался. Отсутствие известий о нем очень беспокоило отца.

– Не беспокойся, даст Бог, он живым и невредимым доедет до своих. Просто весточку передать некому. Каждый спасает свою жизнь, – сказала мама.

– Эх! – вздохнул отец. – Если жизнь так удручает человека, что же будет в Судный день? Ведь говорят, что тогда человек, забыв отца, мать, брата, сестру, чад своих, будет думать только о себе и о спасении собственной души.

Мама вышла во двор повесить выстиранное белье, но быстро вернулась в дом.

– В сторону Грозного над селом пролетел большой предмет с горящим сзади огнем, – сказала она испуганно.

Вечером, когда люди вернулись домой из города, стало известно, что на центральный рынок были сброшены мощные ракеты. Много было убитых и раненых...

Хотя дни стояли теплые, утром и вечером было прохладно. С гор дул холодный ветер, который обычно приносил на равнину снег. Надо было торопиться с отъездом.

Папа пошел за машиной, чтобы проводить нас до Хасав-Юрта. Ездить по Ойсарскому хребту люди не решались. В любой момент могли появиться вертолеты и нанести ракетные удары. Рассказывали, что на дороге валяются каркасы сожженных машин, а дорога через Гудермес пока безопасна. Папа спешил, пока не закрыли и этот путь. Мама уже была готова: она всё вычистила и убрала в доме, положила в сумки нашу одежду. До Хасав-Юрта с нами ехали соседи. Все мы поместились в «рафик».

С именем Всевышнего мы пустились в путь. Папа сел впереди – с водителем. Салман притих на руках у мамы, я была рядом с ними. Напротив нас села соседка с двумя дочерьми. Чего мне больше всего хотелось в этот момент – жить так, как раньше, вместе с родителями и младшим братом: в своем доме, без войны, спокойно и счастливо. Обычно, вечером, лежа на купленной для меня детской кровати, я никогда не могла сразу заснуть. Как сейчас вижу: помыв руки-ноги, подхожу к маме, к маленькому Салману, обнимаю их, желаю спокойной ночи папе – только после этого я могла спокойно заснуть. Сны я видела прекрасные. До войны, когда мы жили в Грозном, я ходила в детский сад, в выходные дни играла во дворе. Папа водил нас в кафе, угощал пирожными.

...Ближе к границе машин на дороге становилось все меньше и меньше. Проехав Нойберу, Кошкельды, достаточно далеко от Герзеля, шофер остановил «рафик»:

– Подозрительно, что нет встречных машин. Дальше я не поеду.

– Вы же обещали довезти нас до моста, мы ведь заплатили Вам за это, – сказала наша соседка.

Половину стоимости проезда оплатила она.

– Хотите, я вас отвезу обратно. Но ни за что, ни при каких условиях, дальше я не поеду! Эта машина – кормилица моей семьи, я не могу рисковать, – ответил шофер.

– Дойдем пешком. Я провожу вас, – сказал папа. – Если мы поедem обратно, а дороги закроют, то мы застрянем. Любым путем постараемся перейти границу. Давайте быстрее!

Мы вылезли из машины и, растянувшись пешей группой, продолжали свой путь. Самые большие и тяжелые сумки нес папа, за ним, с узелком в руках, шла наша соседка. Салмана несла на руках мама. А все остальные – дети – шли, взявшись за руки, за старшими.

С приближением к Герзелю, до нас громче стал доноситься шум над селами Мескеты и Ишхой-Юрт. Там «работали» вертолеты. Покружатся сначала немного, а потом пикируют – летят прямо вниз; так орел складывает крылья и ураганом обрушивается на свою жертву. Нам в этот момент казалось, что они обязательно ударятся носами о землю и разобьются. Но нет, в последние секунды они снова взмывали вверх. Ракеты, словно молнии, раскалывали и освещали небо, а затем от земли поднимался черный дым. Каждый взрыв повторялся несколько раз, эхом отдаваясь от хребта к хребту.

Мы были в трехстах метрах от реки Аксай, когда вертолеты, закончив свою разрушительную работу, не получив ни царапины, ни ответного выстрела, даже из винтовки, повернули в нашу сторону.

– О Аллах, взываем к Твоей помощи. Пошли нам в поддержку ангелов и святых! О Киши-Хаджи! – кричали изо всех сил женщины.

Две соседские девочки плакали. Их плач я усилила рыданием. Разомкнув руки, мы бросились бежать. В тяжелой зимней одежде мне это было очень трудно. Стараясь не отстать от остальных детей, я подвернула ногу, упала и не могла встать. Оглянувшийся назад папа, бросив свои сумки, подбежал ко мне. Заметив нас издали, бежали к нам и дагестанские милиционеры.

Широкий большой мост через Аксай был перегорожен колючей проволокой и противотанковым заграждением. Перебросив автоматы за спину, спешили к нам навстречу – через всю эту грудку металла – милиционеры.

– Бегите! Быстрее, быстрее! – кричали они на русском языке.

Опасность отняла мои силы, от страха и боли я не могла встать на ноги. Подбежав к нам, папа схватил на руки младшую из соседских девочек. Когда он добежал до меня, я сама протянула к нему руки. Взяв обеих нас подмышки, папа ринулся обратно.

Я крепко схватила его за шею. В тот же момент, кто-то быстро забрал меня у папы, а остальные схватили сумки, двух девочек и Салмана. Не раздумывая, похватали они тех, кто попался под руки. На мосту было небезопасно. Но за Аксаем уже не чувствовалось угрозы: вертолеты улетели в Герзель.

Река Аксай была мутной и быстрой. Когда я посмотрела вниз, в эту стремительную и быструю реку, у меня закружилась голова. И милиционер, бросившийся на помощь, так сильно прижал меня к своей груди, что я чуть не задохнулась и с трудом пришла в себя. Мужчина, вышедший из установленного недалеко вагона, угостил нас печеньем и «колой». После короткого отдыха, по его поручению, нас отвезли на автостанцию. Мы с соседями разошлись по своим направлениям. Они оставались в Хасав-Юрте, а нам нужно было ехать до Элисты. Папа позвонил дяде – брату моей матери, и тот обещал на машине встретить нас в Кизляре. Дядя просил моего отца приехать с нами, но папа и его не послушался.

– Не ходи на войну, – просила мама. – А, может быть, ты нас отправляешь специально, чтобы мы тебе не мешали? – повторяла она.

– Войну с Россией нам не выиграть. У России столько оружия и населения, что ей и самой точно неизвестно, сколько. Цель этой войны – уничтожение чеченского народа. Поэтому мы насильно втянуты в войну. И чем дольше мы будем воевать, тем больше возможностей будет для совершения против нас злодеяний, – говорил папа.

Но мама продолжала своё:

– Если ты не думаешь обо мне, то подумай хотя бы о сыне и дочери. Им нужен отец. Знай, что ты нужен нам.

– Если бы счастье не обошло нас стороной, чеченцы и ингуши не разделились бы, выбрали бы одного президента и жили бы спокойно. Еще в детстве я слышал: «Станет царем человек с родимым пятном, и советская власть распадется. Если людям повезет, то война завершится за столом. А если нет – она продолжится внутри страны!» Хотя люди не очень верили во всё это, но, как бы они ни сопротивлялись злу, мы имеем то, что имеем. Горемычной оказалась доля народа. Плача, предсказывали святые сегодняшний день, сказал папа.

– Береги себя, – повторяла мама еще и еще раз. – Береги ради нас.

Так – ничем – и кончился этот разговор. Съестное на дорогу мы взяли из дому. Но папа сходил на рынок и купил еще лимонад, бананы, йогурты.

– Зачем ты купил это? – спросила мать.

– Для детей ничего не жалко, – папа двумя пальцами ущипнул нас за щеки.

– Там всё для нас будет, а ты свою копейку береги, неоткуда ей теперь взяться.

– Всевышний даст – будет. Если бы не было пропитания больше, чем человек видит перед своими глазами, много людей давно бы умерло с голоду. Всевышний даёт оттуда, откуда ты и сам не подозреваешь.

Грустные от предстоящей разлуки стояли папа и мама, утешая друг друга.

– Не успокаивай себя тем, что у нас там нет войны. Приезжай к нам. Помни, дети очень привязаны к тебе.

– Приеду, а вы, когда доедете до Махачкалы, стойте на видном месте, отдельно от других, чтобы он вас не искал.

– Кто будет ехать в Хасав-Юрт, ты дай наш номер телефона и попроси позвонить.

– Не скучайте. Береги детей и себя береги.

– С нами что может случиться?

– Береги детей от простуды. Не оставляй без присмотра.

– Хорошо.

Тут подошли к нам чеченки с детьми и вещами. Хотя мы с Салманом тянулись к папе, он счел неприличным при посторонних взять нас на руки и приласкать. Спросив имена этих женщин и их домашние адреса, отец отправил нас в путь вместе с ними.

По всей длине этой дороги, в сторону Чечни двигались российские войска: танки, БТР-ы, «Уралы» и другая военная техника. По обе ее стороны, куда ни кинь взгляд, установив палатки, вкопав блиндажи, устраивали свой быт тысячи и тысячи солдат и офицеров. Посмотришь: не видно конца и края.

В Махачкале нас встретил дядя. Крепко обняв сначала маму, потом меня, он поднял Салмана и, подбрасывая его вверх, шутил с ним.

– Да ты настоящий мужчина! – восклицал дядя. А я вспомнила, как отец при прощании даже не приласкал нас.

Взрослые часто думают, что дети ничего не помнят, не знают. Услышав что-то от ребенка, удивляются: «Как это можно запомнить в таком возрасте?» Дети во всем разбираются, все понимают. С годами не ум прибавляется, а жизненный опыт. И язык оттачивается.

Мне теперь девять лет. Здесь, в Элисте, я учусь в третьем классе. И учителя, и одноклассники хорошо относятся ко мне. Двоюродный брат Юнус заботится обо мне. Он старше меня, учится уже в пятом классе. Дядя, дедушка и бабушка по матери вкусно кормят нас с Салманом, красиво одевают. По-настоящему лелеют нас. А мне не хватает папы.

Некоторое время спустя, мы узнали, что в родном селе, в Чечне, артиллерийскими снарядами был разрушен наш дом, убит папин друг, а сам он был ранен. В селах, предварительно разворотив строения снарядами тяжелой артиллерии, военные врывались в дома и «карали» мирных жителей. Как только зажила рана, не тронув ни одного кирпича, ни одной доски разрушенного дома, папа присоединился к бойцам. Кому это всё было нужно? Разве не этого добивались враги?

Все мы с утра до вечера сидим у телевизора, ждем «Новостей». Ждем хороших вестей об окончании войны.

Однажды показали фильм, снятый английским режиссером. В нем мы увидели папу. Он был в лесном лагере, среди множества бойцов. Папа читал книгу. Рядом лежало оружие. Из-за пятнистой формы и густой бороды, я не сразу его узнала. Он выглядел строже, чем раньше. А глаза – грустные.

С тех пор мама, прячась ото всех, тихонько плачет, ничего не ест.

Папа, что они с нами сделали? Зачем нас разлучили?

Вчера я услышала, как дядя говорил дедушке:

– Власти заявляют, что тем, кто сложит оружие, будет амнистия.

– Шамиль и его наибы, двадцать пять лет воевавшие с Россией, тоже сдались. Нам её не победить, её весь мир боится. Понять это, успокоиться – было бы умнее. Приехал бы он сюда, к своей семье, – сказал дедушка.

Папа, это о тебе они говорили. Пересиль в своем сердце ненависть, пробуди любовь. Ведь ты не раз говорил, что не надо злом отвечать на зло, что победят любовь и разум. Вспомни Кунта-Хаджи Кишиева³, о котором ты часто рассказывал нам. Отец, подумай о маме, она тоскует и плачет по тебе. Подумай о нас, маленьких. Недаром же вы с мамой называли меня Машар⁴?

Приезжай, папа, нам не нужна война...

2002

1 Делах тешна (чеч.) – Верую в Бога.

2 Дела (чеч.) – Бог, Аллах.

3 Кунта-Хаджи Кишиев – один из самых известных чеченских религиозных деятелей периода Кавказской войны, проповедовавший непротивление злу насилием.

4 Машар (чеч.) – мир.

СВИДЕТЕЛЬ

На своей «Ниве», марки «Тайга», я только подъезжал к родному селу, когда меня остановили на блокпосту. Вытащив из машины, мне скрутили руки, повалили на землю и начали избивать ногами. Потом затолкнули в БТР и повезли в районную комендатуру.

Я не понимал происходящего. Но все мы являемся заложниками этой войны и нечему удивляться.

Оказалось, где-то в ближайшем селе взорвалась мина. Сообщение о взрыве и соответствующие указания по радиации передали по всем блокпостам. И «федералы» досматривали все подозрительные машины. В первую войну и сейчас на особом учете у них «Уазики» и «Нивы». Излюбленные машины боевиков. На них без проблем можно ездить в любую погоду по бездорожью и предгорным селам.

- Ты минировал?
- Нет.
- Откуда ехал?
- Из Грозного.
- Зачем ездил?
- Продавать яблоки.
- Где ты работаешь?
- В школе, преподавателем.
- Откуда деньги на машину?
- Я не курю, не пью. Берегу каждый рубль.
- Знаешь боевиков?
- Нет.
- Никого?
- Разве что Хаттаба и Басаева.
- Когда ты видел их в последний раз?
- Вчера вечером, в новостях.
- Сколько тебе заплатили за минирование?
- Я не минер.
- Кто из вашего села среди боевиков?
- Не знаю. Я не поддерживаю с ними контакты.
- Ты боевик?
- Нет.
- Почему такой здоровый?
- Каким уж мать родила!
- Почему хромаешь на ногу?
- В первую войну я попал под артобстрел.

Прошел день, наступила ночь. Из чеченцев со мной никого не было. Видимо, тут недолго держат задержанных. Меня тоже вывели утром.

«Ведут на расстрел», – подумал я...

Я не знал за собой никакой вины, кроме любви к родине и желания ей добра; жаль было пропадать так, безо всякой пользы.

На школьную зарплату, на эти гроши, невозможно прокормить семью. И приходится выкручиваться. То черемша выручит ранней весной, то черешни созреют, то яблоки. Неужели мне суждено погибнуть в сезон яблок? И никто из родных не узнает, что со мной произошло. Но были очевидцы. «Чеченская почта» хорошо работала. И я надеялся, что весть дойдет до родных. Но сколько молодых людей пропало без вести?!

– Мы ничего не знаем! Мы не увозили вашего сына! – Вот их ответ. И жизнь человека навсегда вычеркнута из списка живых. Он пропадает бесследно. Некоторых вывозят на окраину села, обвязывают тротилом и взрывают. Не оставляют ни одной целой части тела, чтобы по нему можно было опознать человека. Родные по каким-то отрезкам ткани, одежды и кусочкам мяса опознают своих сыновей. Это тоже, хоть слабое, но утешение. Тысячи матерей ничего не знают о своих детях, увезенных прямо из родного дома или перехваченных где-то на дороге. Они не могут выплакать свои слезы на их могилах. Им все время кажется, что они где-то томятся и зовут их...

Была в нашем селе одна из таких молодых вдовушек. Я хорошо знал её. Она на отлично окончила школу и мединститут с красным дипломом, работала врачом в сельской больнице. Когда нагрянули вооруженные люди в масках на БТРах, муж ее, дабы не подвергать семью опасности, не оказал сопротивления. У него даже не было оружия.

Он был тяжело ранен в первую войну (пуля снайпера прошла через его легкое, на несколько миллиметров не задев сердца, и он чудом остался жив). Ни тайно, ни явно он не участвовал во второй войне. Но, иногда, помогал продуктами лесным братьям. Кто из уважающих себя людей откажет нуждающемуся в пище?

Она написала письма во все инстанции РФ, чтобы ей вернули мужа, отца пятерых детей.

Ближайшие родственники этой женщины служили во властных структурах нового правительства. Они тоже включились в поиски и однажды приехали к ней вместе с руководителями районной комендатуры и ФСБ.

– При очной ставке ты узнала бы похитителей мужа? – спросил её ФСБэшник.

– Узнала бы, – сказала она. – Ты – один из них.

Это была её роковая ошибка.

Ночью, тайком, через окно к ней пробрались в дом (никто из родственников мужа даже не услышал шума) и ее увели в ночной сорочке. Проснувшейся десятилетней дочери, чтобы она не позвала на помощь, засунули в рот тряпку, заклеили скотчем и перевязали руки и ноги. А грудного ребенка, лежавшего на кровати, накрыли подушкой, чтобы не плакал...

Исполнители этих грязных дел, дабы нельзя было определить их принадлежность к воинской части, смазывают номера БТРов грязью и разъезжают в масках.

В начале войны, когда войска без сопротивления входили в населенные пункты, федералы были добры и очень вежливы. Раздавали людям гуманитарную помощь и старались оказывать другие услуги. Никто из них не был убит. Почти по всей республике представители администраций и старейшины сел выходили войскам навстречу и договаривались о мире.

Конечно, войска вошли бы в любом случае. Но, в этом случае, было бы много невинных жертв и разрушенных жилищ, уцелевших в первую войну и с трудом восстановленных людьми. А при заключении мира можно было надеяться на лучшее. Люди помогали при строительстве комендатур, устраивались на работу. Командиры наказывали ночных разбойников, самовольно покинувших часть. Подбодряли население: «Можете на месте убить всякого, кто заберется ночью к вам в дом. Никто вам не скажет слова. Только верните личное оружие солдата».

Но если коренной народ и оккупационная армия будут жить в мире и согласии, то войне может наступить конец. А у её заказчиков были другие планы. И тогда то тут, то там начали взрываться мины. Чтобы русские невзлюбили чеченцев, а чеченцы возненавидели русских. Чтобы посеять между ними недоверие, и они начали уничтожать друг друга. Для этих целей у любого государства есть спецслужбы, назначение которых в создании, в нужный момент и в нужном месте, очагов смуты и преступлений.

Народ не хотел войны. Как мог народ хотеть войны?! Что хорошего она принесла людям? «Война сына не родила, а убила», – гласит народная мудрость. Так называемая чеченская власть, утверждая, что она строит национальное государство, разрушила его. Сколько отча-

янно смелых и переполненных мужеством парней пало в первую войну, поверив в красивые слова и от всего сердца мечтая о национальном государстве. Среди них были и мои товарищи.

И вот, по Божьей милости, русские войска опять покинули республику. Власть опять перешла к чеченцам. И, как и раньше, перестали выдавать пенсии, зарплату и обращать внимание на нужды простых людей. На все один ответ: мы только вышли из состояния войны, что же вы хотите? Когда вы спокойно спали у себя в домах, нам приходилось ночевать в лесах, в землянках.

Не выходили книги писателей, не работали школы. Образование им и не было нужно. Их собственные дети учились за границей, в лучших учебных заведениях. Не уважили погибших, и живые были не в чести.

Как бы трудно ни приходилось в быту, после войны народ вздохнул свободно. Марионеточный режим, установленный русскими танками, рухнул сразу же, и ее представители первыми покинули республику, намного раньше войск.

Первая война была нам навязана, но вторую спровоцировали мы сами. Мы можем обвинять кого угодно: русских, евреев, дагестанцев, олигархов, политиков, спецслужбы, Кремль... Но виноваты мы сами. В том, что мы продажны, вероломны, что не любим друг друга и скрываем в сердцах черную зависть и ненависть. Русские знают об этом со времен Ермолова и Имама Шамиля. И умело пользуются этим. Мы не можем удержать даже взбесившегося злодея. Мол, это не мое дело. Но плоды их преступных деяний, не спрашивая разрешения, ураганом врываются в наши дома, и тогда достается каждому. Не говоря уже о других злодеяниях, какая нужда была вторгаться в Дагестанские горы и утверждать газават? Не умея навести у себя порядок, мы что пошли завоевывать Россию? И власть наша оказалась никудышной. Что бы я сделал на месте президента? Во-первых, я из всех сил постарался бы не допустить вторжения чеченцев. Во-вторых, я закрыл бы им обратную дорогу. Они ведь не могут не понимать, какой опасности, они подвергают народ и отчизну. Президент, если он не марионетка, – отец народа. Как отец за своих детей, так и президент за народ в ответе перед Богом и на земле, и в Судный День. Если я совсем бессилен, я бы поехал в Европу, Америку и из всех средств массовой информации кричал: чеченцы не виноваты, чеченцам не нужна война, у нас нет ни сил, ни желания вести ее. Я бы сделал это во имя спасения сотен и тысяч человеческих жизней, сохранения десятков сел и городов. Что мы имеем сегодня? Борьба за свободу чеченского народа и построение независимого государства плавно перешла (при помощи умных и многоопытных людей) на рельсы международного терроризма...

На одно у меня все-таки хватило ума: не сдавать личное дело в комитет участников войны. Люди, не видевшие войну, и даже явные противники чеченского государства за большие деньги покупали воинские звания, удостоверения участников войны, медали и ордена. Так легче было устроиться на работу и оптом распродавать нефтепродукты. Я знаю, если бы я тогда заполнил анкету, то и сегодня был бы в розыске. И мне бы это так просто не сошло с рук, как другим. Ты, наверное, слышал, как некоторые «горе-боевики», за еще большие деньги, выкупали свои личные дела!

Имея уже определенный опыт, я во-второй раз не поддался уговорам и призывам на джихад, на борьбу с гяурами. Не примкнул ни к одной воюющей группе. Мои друзья, бывшие ополченцы, тоже остались дома, почти все, кроме ваххабитов.

Некоторые ребята, из-за зарплаты, а другие, надеясь на безопасность, устроились при новой власти в милицию. Но, когда моджахеды входят в село, в первую очередь они нападают на чеченских милиционеров, хотя в комендатуре и вокруг много русских. Поджигают райотдел, служебные машины и дома сотрудников и убивают их, где встретят. Военные вообще не вмешиваются. Проходит два-три дня. И вот они уходят, растормошив улей. Следом приезжают ГРУшники. И тоже избивают милиционеров. А наиболее мужественных из них, не допускаю-

щих беспредел, расстреливают, подрывают на mine или фугасе. Война навязана, а уничтожаем друг друга.

Хотя участников первой войны и амнистировали официально, все-же, время от времени, их арестовывали по одному, по двое или они просто исчезали. И в первый момент задержания я подумал, что, может, кто-то из односельчан донес на меня. Говорили, что только в одном нашем предгорном селе около ста осведомителей. Как ты думаешь, сколько стукачей в больших селах и городах, если и в нашем маленьком селе их столько?!

Но меня задержали не по навету. Иначе бы они дали понять.

Утром, когда меня вывели, я подумал: «Ведут на расстрел». В коридоре майор вручил мне мои документы, ключи от машины, часы и деньги. На меня была направлена камера. Все записывалось.

– Вам вернули все ваши вещи?

– Да.

– У вас было еще что-нибудь?

– Нет.

– Вас пытали?

– Нет.

– Били?

– Нет.

– У вас есть претензии к сотрудникам комендатуры?

– Нет.

– Вы свободны. Подпишите бумагу.

Я не поверил. Действительно ли я могу идти? Или они только проверяют меня? Майор опять сказал:

– Вы свободны. Можете идти.

Я подписал протокол. Камеру убрали.

– Ты меня отведешь к машине? – спросил я рядом стоящего солдата.

– К какой машине? Пошел вперед! – сказал он, стволом автомата толкая меня в спину.

Я пошел. Даже уложив одного-двоих, я не смог бы убежать. Большой двор бывшего МТС был обнесен двухметровым дувалом и сверху обтянут колючей проволокой. Повсюду техника, военные и часовые, готовые, в случае побега, пристрелить. Через дорогу, в бывшем Доме культуры, тоже расположились они. А на крышах, под защитными сетками, направив во все стороны бинокли, прятались снайперы.

Только я вышел, меня опять повязали. Надели на голову мешок и, забросив в кузов, повезли в сторону Грозного.

Меня беспокоило, что дома не знают, где я нахожусь. Распродав в городе яблоки и орехи, я купил детям кое-что из одежды и обуви и ехал домой, когда меня задержали на дороге. Дай Бог, чтобы ни один мусульманин не оказался в моем положении: связанный, как жертвенная скотина, с мешком на голове лежишь, как куль, и, чтобы ты не позвал на помощь, несколько стволов автоматов упираются тебе в спину и голову. Теперь они могли сделать со мной что угодно. Если даже родственники попадут на мой след и придут в комендатуру, у них на руках видеоматериал моего «освобождения» и подписанный мной лично протокол. Наверное, так они поступают со всеми своими жертвами. Ведь известно, что после жестоких истязаний, они вывозят трупы наших ребят где-то в поле или в лес, кладут перед ними автоматы, гранаты, пулеметы и мины. И в вечерних новостях показывают уничтоженных террористов. Самый высокопоставленный чиновник или военный, не моргнув глазом, лжет самым наглым образом.

Помню, в детстве я смотрел фильмы об отечественной войне. И когда немецкие офицеры мучили несчастных людей, старики говорили:

– Они показывают то, что сами творили, а приписывают немцам.

– Немцы во время затишья кричали из своих окопов: «Урус, кушать хочешь?» Какие у них были гордые и благородные офицеры! А то, что сейчас показывают по телевизору вранье. Они не опустились бы до этого.

Я тогда не понимал их: «На что только не способны грязные фашисты?», – думал я.

На что только не пришлось насмотреться за эти две войны? Военные раскапывают ими же замученных и убитых чеченцев и показывают по телевизору: «Эти люди убиты чеченскими боевиками, – комментируют они. – Видите их жестокость? Это нелюди!»

Я не раз слышал, что в Ханкале в ямах содержат много чеченских ребят. И самые отвратительные фашисты не додумались до тех изощренных пыток и зверств, применяемых к ним. Зная, что для чеченки позорно раздеться перед мужчиной, женщин (жен и сестер боевиков) ставят перед пленными чеченцами и рвут на них платья. А когда мужчины отворачиваются, их избивают и кричат: «Смотри! Смотри!». Мужчинам в самое срамное место засовывают тонкие трубочки и сквозь них пропускают электрические провода...

Во дворе Ханкалы наша машина остановилась пару раз. Мои глаза не были завязаны, и я сквозь мешок мог кое-что видеть. Что могло означать наше дальнейшее продвижение и взмахи рукой: отсутствие свободной площади? Видимо, ямы были переполнены. Когда машина остановилась в третий раз, меня скинули с кузова, как мешок с песком. Подошли двое солдат, взяли меня под мышки и сказали: «А теперь побежали». Я готов был ко всему. Внутренне скрепившись, я отдал себя на волю Всевышнего. «Наверное, меня волокут к яме», – думал я. Тяжело припадая на раненую ногу, я старался замедлить бег, чтобы сохранить голову от возможного удара об какой-нибудь камень. Возможно, это смягчит удар. Со всего разбега меня стукнули об какую-то трубу. Я не видел ее. Ударившись головой, я упал. Двое солдат и весь мир, сперва взорвались в моих глазах и мозгу, потом я потерял сознание.

С того дня, как меня стукнули об эту трубу, в моей памяти стали происходить провалы. Я ведь тебя знал. И читал твои рассказы. В 86 году я окончил филологический факультет пединститута. Часто, пытаюсь кого-то вспомнить или рассказывая о чем-либо, я боюсь ошибиться. Особенно в фамилиях и именах людей, и где, когда и как мы познакомились.

Ты хочешь поехать домой. Тебе, конечно, лучше знать... Война еще не окончена. Каждый день, то в одном, то в другом селе происходят зачистки, репрессии. Стоит указать просто на человека, и его забирают, и сделанного не воротить. Нашему народу довелось узнать, что 37 год был всего лишь присказкой. Тогда хоть, какой-никакой, но назначался суд, так называемой тройки. В сегодняшней Чечне не знают, что такое права человека.

Самое трудное – терпеть ложь и несправедливость. Несправедливость по отношению к твоему телу, к твоей душе. И власти, конечно, видят это и знают. Война не научила людей уму-разуму. В погоне за деньгами, у всех чуть ли не выскакивают глаза из орбит. Убитых, умерших, пропавших без вести быстро забывают.

Здесь мы на свободе. В наши дома не врываются солдаты и спецназ. Твоя семья с тобой, и тебе незачем беспокоиться. У нас на родине давно уже позабыли о больших идеях и мыслях о светлом будущем. Многие даже забыли, с чего все это началось, и ради чего. В то время, когда некоторые думают лишь о том, чтобы выжить, других заботят только деньги. Заработать как можно больше денег, думают они.

Нас привлекли мысли о свободе и независимом государстве. Но нас обманули. Бедный человек зависим и в собственном государстве, а богат независим и на чужбине. Народ потерял все ориентиры. Люди не знают кому верить. Но, только однажды побывавший в плену поймет, насколько нужно остерегаться всего. Если ты не можешь не ехать, живи в Грозном или Гудермесе. Там намного спокойнее, чем в селах. Если тебя и предадут, это будут твои односельчане. Берегись их. Встретившись где-нибудь, скажи, что пришел на побывку и на днях уезжаешь. Не ходи на базар, и места скопления людей тоже обходи. Никто не знает, с какой стороны, когда придет зло. Ночью спи, не раздеваясь, всегда будь начеку. Ты себе не представляешь, сколько

людей они забрали прямо из постели. Если можно что-то сделать, отремонтируй свою квартиру и быстро устройся на работу. В республике выходят газеты, журналы и вице-премьеры те же...

Приходя в сознание, я думал, что, наверное, весь залит кровью. Но на мне не было крови. Вероятно, оттого что я целиком поручил себя Богу и был готов ко всему. В студенческие годы, в бассейне «Садко», я посещал секцию бокса, и тело мое было закалено, но голова моя раскалывалась...

Два дня провел я в Ханкале, распятый, словно на Голгофе. Только на руках, вместо гвоздей, были наручники. Как могут военные подвергать людей такой жестокости? То, что боксеры вытворяют с грушей мелочь, по сравнению с тем, как они мучают живых людей. Я бы не вынес еще одного дня. Наверное, умер бы...

Ты видишь, что они делают сегодня?

«Это чеченский террорист номер один», говорят они, и показывают его в позе ласточки. Сбрили голову и бороду. По коридору тюрьмы ходит вприпрыжку, низко наклонив голову, руки вытянуты высоко назад, ладони разжаты. В камере ему удобно, говорит он, дома невозможно было жить, постоянно взрывали. За живучесть его даже прозвали «терминатором». А здесь надежная охрана, еды вдоволь. Подчиняться требованиям надзирателей не зазорно, он, как бы чувствует себя курсантом. И одновременно показывают его «генеральские» провокационные речи перед строем боевиков. «Все русские должны быть уничтожены. Каждый чеченец пятнадцати-двадцати лет, должен готовиться к тому, чтобы стать террористом-камикадзе...» Но почему он сам не погиб?! Почему не дал возможности людям сказать: «Хоть и жил как негодяй, но умер как настоящий мужчина»? Настоящих мужчин и героев, кого не могут сломить, кто вышел на борьбу с чистыми помыслами, они убивают. Их не показывают по телевизору с повинной. Ведь легче показывать «героев», типа «терминатора». Они на весь мир говорят: «Видите, вот они, свободолюбивые чеченцы. А вот самый крутой из них». А кем он был на самом деле? Сами русские сделали его героем, чеченцы то воспринимали его как клоуна.

Все предводители чеченцев, с обеих сторон, были клоунами, артистами, двойными агентами и предателями. Именно они виновны во всех наших бедах...

Я не вернулся домой, и домашние бросились на поиски. Ни в комендатуре, ни где-либо еще меня не нашли. И не дали бы найти.

Некоторые из моих друзей работают кто в милиции, кто в охране. В первую войну нам довелось бегать вместе по горам. Сегодня они устроились на работу, не зная кому верить, и чтобы зря не погибнуть в этой неразберихе. Они охраняют полковника ФСБ, одного из знаменитых московских «воздушников». Теперь их называют бизнесменами. Он из Махачкалы позвонил в Москву Патрушеву, и по его приказу меня освободили.

Из-за моей комплекции друзья называют меня «Бычок». Но еще один день – и я не выжил бы. И сомневаться в том, что попавший в их руки не заговорит, не приходится. Поэтому через пару дней, после ареста кого-либо, они проводят массовые аресты. Может, и мои друзья боялись этого.

Когда мне повязали глаза и руки и усадили в машину, я опять подумал: «Ведут на расстрел». «В их власти меня расстрелять, но им не удалось меня сломить», – думал я. И в эту минуту это было главное. Хоть семья оставалась без отца, и дети не будут знать, где моя могила, я успокаивал себя тем, что я никого не предал, и на моих потомков не будут показывать пальцем.

– Пять минут не развязывай глаза, – предупредили меня, сбросив с машины. – Попытка к бегству – расстрел.

Один раз уже обманутый, я не поверил в их намерения.

«Сейчас будут стрелять», – подумал я.

Двигатель «Урала» сначала взревел, потом шум постепенно утих.

«Они уехали. Неужели, правда? Напоследок решили поиздеваться. Проверяют, что я буду делать. Чтобы посмеяться...»

Связанными руками я снял повязку с глаз. Они действительно уехали. Оглядевшись вокруг, я не узнал местности. Моросил дождь, был довольно неприятный день. И первое, что я почувствовал – был сильнейший голод. В жалких лохмотьях, голодный и избитый... Меня начало знобить. Я пошарил в кустах, в надежде найти бутылку из-под пива или водки. Необходимо разрезать веревку.

Вдали показалась военная колонна. Куда бежать со связанными руками? Все равно догонят. Только, казалось, выкарабкался из беды, как надвигается новая. Они запросто могли пристрелить меня и сказать, что я пытался заминировать дорогу. Кто с них спросит? Они издали направили на меня оружие. Я не шевелился. Колонна остановилась рядом. Из первой машины вышел офицер, с БТРа соскочили несколько солдат.

– Ты что здесь делаешь? – спросил офицер.

– Меня только что выпустили из Ханкалы, – сказал я.

Они, ни слова не говоря, повернулись и направились к машинам.

– Командир! – крикнул я вслед. – Где я нахожусь?

– На земле! – злобно бросил он, оглянувшись.

Сев рядом с водителем, он указательным пальцем показал вперед. Колонна медленно двинулась. Я понял, что нахожусь недалеко от Ханкалы. Зубами и осколком стекла я развязал руки и вышел на дорогу.

Мне пришлось долго простоять. Никто не останавливал машину. Весь в крови, небритый, оборванный. Водители, видя в каком я состоянии, не смели остановить машину. На дорогах было много блокпостов, и они боялись из-за меня влипнуть в историю. И тогда я стал ждать автобуса, вышел на середину дороги и преградил путь. Автобус затормозил. Среди пассажиров было много женщин. Видимо, этот факт придавал смелости и водителю. С ними я доехал до Аргуна. Там, у дальних родственников, привел себя в порядок: помылся, побрился, переоделся в чистое.

Дома, друзья повезли меня к тому человеку, чтобы я лично поблагодарил его за освобождение.

– Ты это сделал не ради денег. Денег у тебя много, – сказал я. – И если бы я предложил тебе деньги, какие в силах дать, то обидел бы тебя. Спасибо тебе большое. Да сохранит тебя Аллах от всех бед и напастей. Ты всегда можешь на меня положиться, в любом деле. Не подумай: «Что ты сможешь сделать для меня?». И маленькая мышь может оказаться полезной льву в нужную минуту. Я никогда не забуду то, что ты для меня сделал.

– Мне жалко вас молодых людей, – сказал он. – Вас обманула и предала эта власть. Вас не в чем винить. Вы были преданы своему государству и народу. Но подлая власть использовала вашу преданность в своих корыстных целях. Некоторые это поняли и отошли. Пожалейте свою молодость, пожилых родителей, свои семьи. Кроме вас, о них некому позаботиться...

Как раз в эти дни приехал домой двоюродный брат. Он и родные настояли, чтобы я на некоторое время выехал за пределы республики. Так я оказался здесь. Правда, если бы я попал в руки ГРУ, никто не смог бы освободить меня. Не помог бы и звонок из Москвы. Они, как ФСБ, не цацкаются с людьми. Вывозят на окраину села и расстреливают или убивают на месте.

Сайд-Хасан, с тех пор как голова не в порядке, у меня вошло в привычку много говорить нужное и ненужное, пока кто-то меня не остановит. Уже время намаза. Давай совершим джамаат?

ФРАНЦ КАФКА

Эссе

*Желание изобразить мою исполненную фантазий
внутреннюю жизнь сделало несущественным все другое...*
Ф. Кафка. Дневники (06.08.14) 1.

Как много значит в судьбе писателя (да и в успехе!) его смерть. Если бы Кафка при жизни опубликовал следующую мысль, то все смеялись бы над ним: «Когда я, не выбирая, пишу какую-нибудь фразу, например: „Он выглянул в окно“, то она уже совершенна» (19.02.11). А сегодня его жизнь, искания, борьбу с самим собой считают образцом писателя XX века.

При жизни только узкий круг оценил его творчество (даже родной дядя называл его произведение «чепухой»). Но после смерти автора, критики и исследователи творчества возвели его, чуть ли не в сан пророка.

«Кто-то, по-видимому, оклеветал Йозефа К., потому что, не сделав ничего дурного, он попал под арест» («Процесс»).

В этом и подобном высказываниях он предвидел будущее (Гитлер, Сталин).

Считается, если хочешь узнать писателя, надо побывать на его родине. Я бы сказал: чтобы понять писателя, нужно читать его дневники.

К кому из писателей это относится более, чем к Кафке?

Когда писатель в силах изобразить свои мысли и чувства в художественных произведениях, в дневниках не бывает необходимости, и на это не хватает времени. Себя, свою жизнь, наблюдения, мысли, проблемы времени, все, о чем он хочет сказать, он изображает или описывает в повестях и романах (Гюго, Бальзак, Диккенс, Тургенев, Достоевский). У Льва Толстого и Ивана Бунина, писавших дневники до конца жизни, как правило, в период работы над художественным произведением, дневники либо вовсе отсутствуют, либо очень незначительны, типа, писал то-то, закончил то-то и т. п. Многие события и годы целиком включаются в то или иное произведение, изменив лишь имена и некоторые выражения. Например, если принять во внимание, что Толстой, работая над «Анной Карениной», описал свою жизнь в большом романе, то нам станет понятна бедность дневников писателя этого периода. Первые годы семейной жизни, может быть, самые счастливые в его жизни. А такие рассказы Бунина как «Последняя весна», «Последняя осень» и некоторые другие целиком взяты из дневника.

Кафка не является исключением из этого ряда. Многие его рассказы вошли в книги прямо из дневников. В том числе и странные рассказы и притчи.

Раскольников Достоевского («Преступление и наказание») взял топор и пошел убивать старуху после того, как понял, что Наполеон или Ротшильд из него не выйдет, и не найдя другого пути, как помочь людям. Свое решение он оправдывает тем, что смерть старухи никому не причинит горя, наоборот, многих избавит от необходимости выплачивать проценты. А он на деньги, которые без всякой пользы лежат в сундуке старухи, сделает много полезного людям.

Достоевский смог создать образ Раскольникова вследствие трудностей и бедной жизни, выпавшей на его долю в молодые годы. Это свои мысли, приведшие его к революционерам, он позже передал Раскольникову.

Кафка начал вести дневник, когда он понял, что ему не стать Наполеоном или Шекспиром, и он никогда не сможет написать те романы, которые мечтает создать. Ведение дневников для Кафки – стремление хотя бы в них сохранить себя в веках.

«Я больше не оставляю дневник. Я должен сохранить себя в нем, потому что только в нем мне это и удастся» (16.12.10).

То, что писатель боится смерти и думает о своей дальнейшей судьбе, видно и из следующей записи: «Я совершенно отчетливо пишу это из-за отчаяния по поводу моего тела, по поводу будущего моего тела» (19.12.10).

Творчество Достоевского потрясло Кафку. В образах мелких чиновников, изображенных Достоевским, он увидел себя, свою несчастную жизнь. Поэтому так сильны в творчестве Кафки мотивы произведений русского писателя, влияние которого он ощущал всю свою жизнь.

О гимназических годах Кафка пишет: «Я, разумеется, замечал, это было очень легко, что одет скверно, видел, когда другие были хорошо одеты, но ум мой многие годы не мог постичь, что причина моего такого облика кроется в моей одежде. Поскольку уже тогда я – больше в предчувствии, нежели в действительности, – был на пути к тому, чтобы ценить себя невысоко...» (31.12.11).

Кафка всю жизнь мучил себя и близких тем, что искал, скорее, внушал себе болезненное состояние, которое владело Достоевским. Это душевное состояние он с огромным талантом передал почти всем своим главным героям. Автор и его герои очень близки Кафке. В одном месте он говорит, что герои Достоевского не больны, а очень даже умны (20.12.14).

«...я ...обладаю сильной способностью к превращениям, которую никто не замечает» (30.09.10).

«...я лежу здесь на диване, одним пинком вышвырнутый из мира, подстерегаю сон, который не хочет прийти, а если придет, то лишь коснется меня, мои суставы болят от усталости, мое худое тело изматывает дрожь волнений, смысл которых оно не смеет ясно осознать, в висках стучит» (21.11.11).

«Бесспорно, что главным препятствием к моему успеху, является мое физическое состояние» (22.11.11).

«Я стремлюсь работой излечить свою неврастению» (02.05.13).

Кроме целого ряда переключек в изданных произведениях Кафки с творчеством Достоевского, мы и в его дневниках находим несколько заготовок к рассказам, напоминающим «Преступление и наказание».

Рассказ о студенте, который с определенными намерениями пришел к известному коммерсанту в гости, и при первой же возможности силой врывается в его квартиру. (Запись обрывается. 24.11.13.)

Другая запись напоминает мятущегося Раскольникова после убийства старухи. (Сон под кустарником. 09.12.13.)

«Мой брат совершил преступление, мне кажется – убийство, я и другие замешаны в этом преступлении... чем ближе наказание, тем сильнее мое сумасшествие...» (20.10.21).

Эти сновидения напоминают размышления Ивана Федоровича из «Братьев Карамазовых», после убийства одним из братьев собственного отца. Наиболее сильные места из Достоевского где-то отложились у Кафки в подсознании и высвечиваются, когда он садится писать.

Сны занимают большое место в жизни и творчестве Кафки. Ряд рассказов создан у него прямо из снов. Оттуда и фантастичность, и символизм его прозы.

В произведениях Кафки, как и в сновидениях, сплелись воедино: правда и вымысел, реальное и нереальное, то, что могло случиться, но не случилось, надежды и воспоминания, то, о чем мечтал, чего боялся и, конечно, влияние прочитанных книг.

Если Лу Синь прямо обозначает в своих миниатюрах: «Я видел сон», то у Кафки это определение снято. Именно это и делает его рассказы загадочными и притчеобразными.

Кафка страдает бессонницей, много работает над снами и мечтает поскорее заснуть по двум причинам:

1) не видя настоящего мира, он не знает жизни и насущных проблем людей: «Сплю, просыпаюсь, сплю, просыпаюсь, жалкая жизнь» (19.06.10). Ему хочется писать, и он муча-

ется отсутствием сюжетов. Он глубоко заблуждался, считая, что писателю нет нужды выходить из дому. Достаточно сидеть за своим столом и прислушиваться. Даже не прислушиваться, а ждать. «Даже не жди, будь неподвижен и одинок. И мир разоблачит себя перед тобой, он не сможет поступить иначе...»;

2) ему легче работается над снами: «Было бы большой радостью писать автобиографию, потому что, она легко писалась бы, как и сны...» (16.12.14).

По этой же причине и в письма, подобно Г. Флоберу, он вкладывал всю душу. Хотя бы в них пытаюсь дойти до мечты. Желая оставить в литературе свой памятник (26.02.12).

Творчество напрямую связано с образом жизни и характером писателя. Если бы Кафка нашел в себе силы оставить свою тихую канцелярию, и устроился бы на какой-нибудь завод рабочим, мы бы, вероятно, знали совершенно другого писателя. Не хватило у него духу и на то, чтобы, как Горький или Гамсун, пойти «в люди», тем более что он не считал себя обязанным перед родителями и не играл существенной роли в бюджете семьи.

Правда, понимая, что любые изменения в жизни положительно сказались бы на его творчестве, в одно время он хотел пойти в армию, хотел даже попасть на войну. Но и из этого ничего не вышло.

Он жил как в замкнутом кругу, пытаюсь вырваться, вернее, мучая себя тем, что надо бы вырваться из него, и не обладая для этого необходимой волей. Не смог он оставить и «теплое местечко», не зная, что ожидает его в будущем.

В своей слабости, безвольности Кафка готов был обвинить родителей: «Я часто думаю об этом и каждый раз прихожу к выводу, что мое воспитание во многом очень повредило мне» (19.07.10).

В знаменитом «Письме к отцу» (1919) он утверждает то же самое. Но Франца, при всем уважении к его творчеству, и самого нельзя назвать хорошим сыном.

О родительских надеждах на свой счет он пишет:

«Родители, ожидающие от детей благодарности (есть даже такие, которые ее требуют), подобны ростовщикам: они охотно рискуют капиталом, лишь бы получить проценты» (12.11.14).

Бернард Шоу пишет в своей «Автобиографии», что, будучи молод и здоров, он был настолько мудр, чтобы не бросаться на борьбу с жизнью. Вместо этого он бросил в нее мать. «Вместо того, чтобы быть помощником отцу, я, наоборот, жил, зацепившись за его брюки».

По этому поводу «весь наполненный литературой» Кафка пишет: «Я веду какую-то ненасытную жизнь и достаточно жалок и труслив, чтобы следовать за Шоу...» (26.10.11).

Шоу верил в свой гений, поэтому, предвидя большой успех, был так смел.

Кафка не верил в собственный талант и постоянно сомневался в своих силах.

«Ничего не довожу до конца, потому что у меня нет времени, и все во мне теснится. Долго ли я выдержу? И разве у меня появится время?» (17.10.11).

«Я хочу писать, ощущение непрерывного подергивания на лбу» (5.11.11).

Думать, что будь свободное время, он бы многое написал – значит обманывать себя. Иногда, хоть на мгновение, он понимает это: «...я должен только остерегаться, как бы не освободить все время для литературы... я не способен использовать все время для литературы» (14.12.11).

Условно, писателей можно разделить на две группы:

1) романисты – Дюма, В. Скотт, Купер, Теккереи, Золя, Голсуорси, Фейхтвангер, Фолкнер, Пикюль, Сименон;

2) и писатели, которые могут писать только о себе или на основе личных воспоминаний – Тургенев, Флобер, Бунин, Вулф, Бабель, Хемингуэй, Экзюпери, Трифонов, Моэм, Довлатов.

Первые, при малейшей возможности зацепиться, пишут о чем угодно. (Это не значит, что они более талантливы или менее. Речь идет об индивидуальности писателя и его творче-

ства.) Вторые не пишут о том, чего не знают, чего не испытали. Каждое предложение дается им с трудом. Сам процесс писания доставляет им настоящие муки. Больше, чем писать, они любят рассуждать, о чем пишут.

Кафка относится ко второй группе. К высшей ступени этой группы. «...физическая невозможность писать, и внутренняя потребность в этом» (02.05.13). «Все противится тому, чтобы быть записанным» (20.10.13).

Несколько лет назад, когда редактора отказывались от моих рассказов и настоятельно рекомендовали прочитать Кафку и Маркеса, я прочитал один рассказ Кафки из хрестоматии для студентов. Чтобы посмотреть, о чем и как они пишут. Их книги очень трудно было найти. Да и вряд ли бы я, со своими тогдашними литературными вкусами, прочитал их. Мне нравились писатели совсем другого склада.

Франц Кафка. «Стук в ворота».

Удивительно, как я тогда, совершенно не зная Кафку, сумел так точно понять суть и «секрет» рассказа. Это был сон. Об исканиях «больного» писателя, страдающего тем, что он хочет и не может писать.

«У меня нет больше сил написать хоть одну фразу» (27.12.10). «Ровно три дня ничего не писал» (30.11.11). «Когда я после некоторого перерыва начинаю писать, я словно вытягиваю каждое слово из пустоты. Заполучу одно слово – только одно оно и есть у меня, и опять все надо начинать сначала» (13.12.11).

Оттуда и в Чечню пришла мода на «ночь, когда не пишутся стихи» и т. п. Из больного, страдающего бесплодием писателя совершенно здоровые люди создали кумира не только себе, но и старались внушить это другим.

Из таких же страдающих был и мой товарищ Идиев Замбулат, выпускник Московского литинститута. Писать должно было быть его работой. Равно, как и инженера – строить. Но Замбулат не писал, задаваясь вопросами: «Зачем писать? Для чего?» Это не означало отсутствие таланта. Вместо того, чтобы научить писать, пять лет в институте его приучили не писать. «Не пиши, если можешь не писать». Это же упадочническое настроение я наблюдал и у других выпускников литинститута – Маадуллы Завриева и Ислама Эльсанова.

Я в то время мог писать много и быстро.

С тех пор прошло довольно много лет.

Я читаю первое, наиболее полное, издание дневников Кафки. И чем больше его узнаю, понимаю, что Кафка (также как Фолкнер, Пруст, Джойс, Маркес, Борхес и другие художники слова) намного мне ближе и роднее, чем писателям, которые противопоставляли их мне.

Если бы Кафка был женат, думаю, он был бы писателем совсем другого склада и мышления.

Одна из самых сильно звучащих тем его дневников – это тема одиночества и холостяцкой жизни.

«Сегодня после полудня боль из-за моего одиночества охватила меня так пронзительно, что я отметил: так растрачивается сила, которую я обретаю благодаря писанию и которая предназначалась мною во всяком случае не для этого» (01.10.11).

«Как плохо быть холостяком, старому человеку напрашиваться, с трудом сохраняя достоинство, в гости, когда хочется провести вечер с людьми, носить для одного себя еду домой, никого с ленивой уверенностью не дожидаться, лишь с усилием или досадой делать кому-нибудь подарки, прощаться у ворот, никогда не подниматься по лестнице со своей женой... дивиться на чужих детей и не сметь беспрестанно повторять: у меня их нет, ибо семья из одного человека не растет» (14.11.11).

Оттого, что Кафка не был женат, его талант как бы остался в поре цветения, не раскрылся в полной мере.

Слова из Талмуда: «Мужчина без жены лишь получеловек, надо понимать в смысле: мужчина без жены лишь полумужчина».

У неженатого мужчины, несмотря на возраст, не растет «зуб мудрости». Ум и сила остаются «молодыми», юношескими. Он не становится полноценным человеком, т.е. мужчиной.

Когда я написал «Рассказы студента» редактора и критики, как один, ополчились против меня. Им даже удалось переубедить Ислама Эльсанова, который вначале хорошо отнесся к моим опытам, и в общем споре занял мою сторону. Даже людям, впервые слышавшим мою фамилию и не прочитавшим ни одного моего рассказа, противники внушали, что я наглый и самоуверенный автор «непристойных» рассказов. Это были люди с гнильцой в душе, далеко не похожие на образы своих благородных героев. При близком знакомстве люди удивлялись: «За что тебя так не любят некоторые писатели? Ведь ты совсем не такой, каким они стараются тебя преподнести».

...Все это давно осталось в прошлом.

Ярлыки моих недругов смыло, как грязь после дождя.

Я вспоминаю, каким я был в юности стеснительным, скромным, исключительно благовоспитанным. Не мог произнести нецензурного слова, не пил, не курил. Брошенное невзначай бранное слово в чьей-нибудь книге, вгоняло меня в краску, становилось неудобно перед самим собой... Вероятно, самым большим моим грехом было чтение книг и писание рассказов. Это было какое-то наваждение...

– Записывать то, что видишь, еще не значит быть писателем, не стоит зря трудиться, – говорили мне.

Но сердце не могло смириться с этим.

Сердце подсказывало: «Кто может стать писателем, если не я? Кого еще назвать писателем, если не меня? Кто, более чем я, достоин быть писателем? Во всей Чечне, да и во всем мире? У кого болит сердце сильнее, чем у меня?»

Сюжеты моих рассказов объясняли тем, что я не женат, и чтобы не думали, что я действительно болею этим, я бросил студенческий цикл. И, чтобы в корне изменить тематику своих рассказов, я пошел в армию, хотя и был освобожден. Я заставлял себя не писать рассказы, похожие на юношеские. По этой же причине до сегодняшнего дня пишу редко, сил хватает разве что на дневники.

Любовь – стимул творчества.

«Если бы я был влюблен, что только не было бы мне тогда под силу! – писал Кафка. – Как долго дождался я много лет назад под аркой на Ринге, пока не проходила мимо М., если даже она шла со своим возлюбленным» (18.12.11).

Я спросил одного из своих друзей-поэтов:

– Почему ты не пишешь?

– Нет вдохновения, – ответил он.

Он принадлежал к числу поэтов, которые пишут хорошо, но редко. А я хотел, чтобы он писал больше и чаще.

Чтобы написать новое произведение, некоторые поэты и писатели вынуждены, как Хемингуэй, знакомиться с новыми женщинами. Встреча с красивой, духовно богатой женщиной является для них как бы толчком, способным вывести из состояния покоя.

Кафку считают одним из оригинальнейших и странных писателей XX века.

Критики, задавшись целью восхвалить автора, даже его недостатки возводят в достоинства. Об этом же можно прочитать и у самого Кафки: «Ведь индивидуальность писателя в том главным образом состоит, что свои недостатки каждый прикрывает на свой особый манер» (14.08.12).

Но и у Кафки, вынужденного тянуть из пустоты слово за словом, бывали часы, когда его, «словно водным потоком, несло вперед». Рассказ «Приговор» им написан за одну ночь, с десяти вечера до шести утра.

«Еле сумел вылезти из-за стола, так онемели от сидения ноги. Страшное напряжение и радость оттого, как разворачивался предо мной рассказ... Много раз в эту ночь я нес на спине свою собственную тяжесть» (23.09.12).

И чем больше в жизни писателя таких минут и часов озарения, тем более плодovit писатель. Кафка и сам понимал, что «только так (выделено Кафкой) можно писать, только в таком состоянии, при такой полнейшей обнаженности тела и души» (23.09.12).

К сожалению, для Кафки это состояние «тела и души» было неестественным настолько, что с непривычки, боялся его. Через день он записывает в дневник: «Насильно заставил себя не писать. Валялся в постели. Кровь прилиwała к голове и без пользы текла дальше. Как это вредно!» (25.09.12).

К сорока годам Кафка понял, что загубил жизнь, данную ему Богом. Ранее во всем обвинявший родителей и преподавателей, Кафка, наконец, понял, что виноват только он один.

«То, что я не научился ничему полезному, к тому же зачах и физически, – а это было взаимосвязано, – могло быть преднамеренным. Я хотел, чтобы меня ничто не отвлекало, не отвлекала жизнерадостность полезного и здорового человека. Как будто бы болезнь и отчаяние не отвлекают в такой же степени!» (17.10.21).

Литература пожирает человека. Высасывает весь его жизненный сок. Есть, конечно, писатели, прожившие до старости и сохранившие здоровье и разум (Лев Толстой, Пио Бароха, Рабиндранат Тагор, Роберт Фрост, Кнут Гамсун, Сомерсет Моэм). Но для этого требуется, если не богатство, то хотя бы обеспеченность, определенный успех в свете, физическая сила, большое терпение и крепкие нервы.

Кафка не обладал ничем из перечисленного. Это был одинокий, нерешительный, замкнутый в себе, безвольный человек. С детства сторонился общества и жил больше в воображаемом, чем в реальном мире. Вместо того, чтобы беречь и закалять себя, он взял себе за образец жизни Гюстава Флобера, Сёрена Кьеркегора, Франца Грильпарцера, Генриха фон Клейста, но особенно Флобера, мечтая стать большим писателем. Горю желанием осветить своим творчеством весь мир, он безжалостно загубил самого себя. Естественные потребности здорового организма были для него бессмысленной тратой драгоценного времени. Если бы родители не отделили его, он бы, наверное, не ходил на эту ненавистную работу. Если бы родители согласились содержать своего взрослого сына, он бы вообще не выходил из дома. Все, что ему нужно – это книги, бумага, ручка и кровать, чтобы лежать и думать.

Уверив себя, что он не такой, как все люди, что он болен (мать всегда считала это фантазией сына; здоров, стоит только найти подходящую девушку, и все образуется как у людей), Кафка не сумел сберечь свое здоровье. Большие нервные нагрузки и, как следствие, он действительно заболел. Но это была не душевная болезнь, которую он мнил у себя (возможно, даже жаждал ее) и не опухоль мозга, и неизвестно что, отчего он страдал, а просто туберкулез. (Несколько раз мне приходила в голову мысль, что, может быть, когда его надежды на болезнь и скорую смерть не оправдались, он сам вызвал прогресс туберкулеза. Как знаток и почитатель Достоевского, он должен был знать, как некоторые из каторжных умирали от чахотки, выпив вина, настоящего на табаке.)

Обольщенный большими надеждами, которые он возлагал на себя в будущем, Кафка жил, отказываясь от радостей и прелестей жизни. Отказывался не только от приглашения сыграть в карты с родителями, но и от приглашений, дававших ему доступ в общество, к общественной жизни и теперь сожалеет об этом.

«Но я всегда от всего отказывался, возможно, из-за общей слабости, в особенности же из-за слабости воли, только понял я это поздно. Раньше я считал этот отказ чаще всего хорошим признаком... сегодня же от этой приятной точки зрения почти ничего не осталось» (25.10.21).

Именно поэтому завещает он: сжечь почти все, написанное им, за исключением немногого.

Писатель, переоценивающий собственное творчество, считая, что пишет лучше всех, как правило, умирает как художник. (Это свойственно молодости.)

Боясь именно этого, говорит Кафка: «Только не переоценить написанного мною, иначе я не напишу того, что мне предстоит написать» (26.03.12).

Избегая людей, общества женщин, женитьбы, Кафка считал лучшим счастьем для себя болезнь, потому что она освободила бы его от необходимости зарабатывать. Он жил бы на сбережения родителей и писал книги.

Но к сорока годам он понял, что не написал те книги, которые стесняли его грудь, мучили его, и у него нет сил написать их; оказалось, что то, чего он до сих пор избегал, что отвергал, то, чего так боялся – это и было настоящим счастьем.

«Бесконечное, глубокое, теплое, спасительное счастье – сидеть возле колыбели своего ребенка, напротив матери» (19.01.22).

«Счастье молодых и пожилых женатых мужчин – моих коллег по канцелярии. Мне оно недоступно, а будь и доступно, оно было бы невыносимо для меня, и тем не менее это единственное, чем я склонен был бы насытиться» (24.01.22).

«Какое счастье быть вместе с людьми» (02.02.22).

Об этом же и в упомянутом выше «Письме к отцу»: «Жениться... принять всех рождающихся детей, сохранить их в этом неустойчивом мире – это, по-моему убеждению, самое большее благо, которое дано человеку».

Кафка переоценил написанное им и планируемое написать, явно не учтя свои силы.

Хотя ничего нельзя было изменить или вернуть, он умер со спокойной душой: «Я был мудр, потому что готов был умереть в любое мгновение, не потому что я выполнил все возложенное на меня, напротив, не выполнил ничего и не было надежды, что исполню хотя бы часть» (18.03.23).

У Кафки было заготовлено против смерти свое оружие – дневники (12.06.23).

2000

1 Дневники Ф. Кафки цитируются по изданию: Франц Кафка, Дневники, Москва, 1999. Перевод – Евгении Кацевой.

ЗАВЕЩАНИЕ

Ранней весной умерла мачеха моего друга.

Перед смертью она обратилась к людям, стоящим вокруг смертного одра, с последней просьбой.

– Я завещаю... я прошу вас не приводить в дом мать этих детей. Кого угодно, только не ее...

Сказывают, в давние времена жили с мачехой брат и сестра, у которых рано умерли родители. Однажды вечером их теленок не вернулся с пастбища, и мачеха приказала падчерице и пасынку: «Идите и немедленно разыщите теленка! И без него не возвращайтесь домой!».

Дети целый день искали теленка и не смели возвращаться домой, боясь наказания. Так они добрались до леса. Наступил вечер. Дети устали, проголодались, озябли. Теленок все не находился. И тогда они решили разойтись. «Ты наше-е-л?!» – кричала сестра. «Не-е-т! А ты-ы?!» – доносился из чащи голос брата.

Наконец, отчаявшись, они взмолились: «О, Аллах, преврати нас в голубей, пока мы не найдем своего теленка. Тогда бы мы быстро нашли его. Ты же хороший».

И Бог пожалел их и превратил в голубей. Но теленок так и не нашлся.

Говорят, до сих пор они мечутся в поисках пропавшего теленка, боясь вернуться домой и перекрикиваясь часто: «Ты наше-е-л?!» – «Не-е-т! А ты-ы?!»

– Хьуна карийний?!

– Ца карийна. Хьуна карийний?!

Мачеха мучила моего друга, часто наговаривала, обвиняя в разных проступках, чтобы отец поколотил его. Поэтому ему нравилось жить у нас. Мы вместе спали, ели, играли и делали уроки. И уходил домой лишь поневоле, когда за ним присылали сестру.

Сестра была моложе и настолько напугана мачехой, что не смела слово сказать или ногой ступить без ее разрешения. И ни разу не пошла с нами к своей матери. Она была нашей дальней родственницей.

Когда мать покупала что-нибудь для своих детей, мачеха ругалась и отправляла все обратно, а бедняжки терпели нужду. Но добрые люди и соседи всегда присматривают за детьми без матери, жалеют, помогают, даже если мачеха хорошая. Иначе бы они вырастали непутевыми.

Мы повзрослели. Мой друг стал более самостоятельным. К младшим братьям и сестрам он относился с любовью и добротой. Хотя они были не единоутробными, заботился о них. А родная мать, из-за любви к сыну и дочери, так и не вышла замуж.

– Когда вернусь из армии, я заберу свою маму домой, – говорил он.

Поразительные вещи случаются в этом мире. Его мачеха, такая молодая и здоровая, простыла и умерла в одночасье. Рассказывали, как она плакала перед смертью:

– Заклинаю... не приводите ее в этот дом. Кого хотите, только не ее...

У нее осталось пятеро несовершеннолетних детей.

1986

УЧИТЕЛЬ

Вернувшись из города, я включил телевизор и с книжкой в руках прилег на диван. Даже в выходной день нечего посмотреть! И я принимаюсь читать дневники Бунина.

Будущее литературы, как Толстой и Сенкевич, он видит в жанре дневников. Местами Бунин высказывает недовольство современниками: Брюсовым, Блоком, Андреевым, Белым, Горьким, Куприным, Ремизовым, Есениным, Зощенко... Пожалуй, всеми русскими писателями, за исключением Толстого и Чехова. Будь они его ровесники, он и ими остался бы недоволен. Но им повезло: они уже завершили свою писательскую карьеру.

Если такой художник, как Бунин мог заблуждаться в оценке творчества современных ему писателей, наши деятели культуры никак не поймут, что они не могут являться мерилom всех видов и жанров искусства. Часто зависть мешает справедливой оценке творчества того или иного писателя-современника. Порой, о произведении судят, исходя из личных взаимоотношений. Или незаслуженно хвалят, или намеренно говорят о незначительности таланта. Нередко даже понимание этой значимости не способствует сближению и справедливой оценке.

В то время, когда многие пишут о больших достижениях в производстве и высокой нравственности «придуманных» героев, я предпочитаю писать невыдуманные рассказы. Это не нравится чиновникам от литературы.

Что ж, пусть каждый по-своему решает: о ком и о чем писать.

Каким бы стилистом и высокохудожественным писателем ни был Бунин, сегодня его читают из-за произведений о любви. Если бы он писал о другом, я бы не читал его.

Когда на экране появляется «Художественный фильм», я откладываю книгу. «Первый учитель». По одноименной повести Чингиза Айтматова.

Сегодня мы по-другому воспринимаем историю и переоцениваем ценности. Нужно ли было Дюйшену оставаться одному, отправив Алтынай в город? Что было главное? Судьба двух влюбленных или то, чему он не научит детей? С трудом верится и в то, что еле освоившая грамоту в шестнадцать лет Сулайманова (в фильме это опущено), стала академиком. Разве что, правительство широко открыло перед ней двери, как первой «свободной» женщине Востока. (Такая уж у нас была политика!)

Наверное, повесть и кино выиграли бы, если бы Дюйшен, подобно своему американскому тезке и коллеге, навсегда ушел бы из кишлака со своей любимой. (Возможно, сюжет Айтматова возник после чтения рассказа «Млисс» Френсиса Брет Гарта.)

Прав ли Айтматов, заставляя Дюйшена вырубить тополь, символизирующий национальное прошлое? Разве и сам он не ставит сегодня в своих романах вопросы о морали и нравственности?

Срубленный тополь, силой вырванная у мужа и отправленная в незнакомый город молодая жена – это попытка навсегда покончить с «темным» прошлым и построить «светлое» будущее. Если бы Алтынай знала, что Дюйшен не женится на ней (а ведь она любила его, и потому пошла за ним, нарушив вековые традиции!), как знать, возможно, она и осталась бы с мужем, пусть даже не первой женой.

Хорошо, ей повезло. Удалось достигнуть больших успехов в жизни, стать академиком. Но что ожидает других: силой пропаганды и агитации вырванных у мужей? Сколько найдется молодых девушек, готовых последовать примеру Сулаймановой? Разве не жаль их, не девственниц и незамужних?..

Алтынай – главная героиня фильма напомнила мне моих бывших учениц.

Три года я проработал в школе-интернате.

Три года – три выпуска.

Самый молодой из преподавателей, я часто замечал, как девочки из старших классов тайком улыбались мне.

Я не давал им для этого никакого повода. Просто у них был переходный возраст. Но я понимал, что это ни к чему не приведет. В свое время я тоже влюблялся в молоденьких учительниц. По молодости и наивным представлениям о любви. Это обычное явление в нашей жизни, когда неопытные девочки влюбляются в молодых учителей, а мальчики – в очаровательных красавиц. Но ни с кем из них, кроме одной, я не был откровенен.

– Окончив школу, поступишь куда-нибудь и забудешь меня, – говорила она.

– Нет, зачем ты это говоришь? – отвечал я.

– Знаешь, какие красавицы в городе!

– Ну и что? Мне нужна только ты.

Реальная жизнь намного грубее, чем представляется в юности. Я знал, что и мои ученицы, выйдя из стен школы-интерната, также забудут меня, когда увидят большой мир. Тогда же весь мир они видели во мне...

Ни осенью, ни зимой я не получил письма от двух, тайком улыбавшихся девочек.

Начался новый учебный год. Место двух уехавших заняла третья, зная, что во всей школе некому с ней соперничать в красоте.

Как быстро девочки взрослеют за год!

Иногда она посылала записку. Я не отвечал. Ни во время, ни после уроков не вел с ней лишних разговоров. Но, уважая ее чувства, не старался отпугнуть ее. Это и не помогло бы, напротив, она обиделась бы и замкнулась в себе. Не учила бы уроки и стеснялась отвечать. Не выделяя ее из класса, я относился к ней очень бережно, предоставив времени вылечить ее. А однажды, как бы шутя, и намекнул:

– Не переживай сильно, все пройдет.

– Нет, – возразила она.

– Но есть же примеры, – сказал я.

Она понимала, кого я имею в виду.

В классе сидела и ее подруга. Наша доверенная.

– Мы – не они, – сказала одна.

– Честное слово, – подтвердила другая.

Я это слышал не в первый раз. Но они не могли этого знать. На 23 февраля она подарила мне белую рубашку и носовой платок. Отказаться от подарка – значило бы обидеть ее. И как-то неловко... А не подарить что-нибудь на 8 марта, решили бы – скупой. Мама достала из своих запасов красивую материю и сказала:

– Подари ей эту ткань. Жалко девочку.

Она сшила себе из нее платье. И почему-то казалась в нем ближе, чем в школьной форме.

К концу четверти они попросили сфотографироваться вместе.

– Сходим как-нибудь, – обещал я.

Они несколько раз повторили просьбу. И мы сходили в фотосалон. Я сел на стул, они встали по обе стороны. Попытались даже заплатить фотографу.

Наступили каникулы. Их класс оставили на практике. Учителя и воспитатели до часа оставались на работе, таская туда-сюда столы и парты. Ездили на прополку, на бахчу.

Правда, у нас взаимоотношения молодых очень усложнены. Ее-то, в случае чего, люди оправдали бы: подросток, не знает, что делает.

Все решили бы, что я обманул, соблазнил. Чтобы не давать повода для пересудов и сплетен, приходилось остерегаться. Иногда, неизвестно откуда, приходила мысль: «А ведь она была бы хорошей женой». Ее любовь была светлой и чистой. Потом, взрослые девушки, которые полюбят меня, будут любить по другим причинам, думал я. У каждой из них будет свой,

сложившийся характер. И до нашего знакомства, наверняка, за ними ухаживали парни. Хотя, может, одна сочтет меня лучшим...

Но лучшей жены я не мог и желать. Она была как пластилин в моих руках. И я мог сформировать ее такой, какой хочу видеть собственную жену. Но еще несколько лет я не намерен был жениться. Вышло так, что ей тоже пришлось уехать, не увидев меня и не попрощавшись. Остались только фотографии...

Начался третий учебный год.

Среди повзрослевших опять была одна.

Больше, чем преподавателя, девочки во мне видели холостяка и возможного жениха. Предвидя печальный конец этих историй, я не мог, несмотря на сочувствие, обманывать их. Надо бежать из школы! Дальше невозможно терпеть! Работа должна приносить, если не материальное, то хотя бы моральное удовлетворение. На должности учителя и от голода не помрешь, но и не будешь жить, как нормальные люди. И я уволился...

Я часто читаю свои рассказы друзьям, которые хоть что-то смыслят в литературе. Некоторым они очень нравятся. Другие часто задают один и тот же вопрос:

– Что ты хотел сказать этим рассказом?

И каждый раз я не знаю, что ответить.

Ты посадил деревце. К чему комментарии?

Одиноким путник в знойный день пожелает отдохнуть под его тенью. Со временем оно даст людям плоды и свежий воздух.

А если не суждено – погибнет. Но некоторые стараются сломать его, вырвав прямо из твоих рук, пока оно еще не пропиталось соками земли. Может, они боятся, что в общечеловеческом саду расцветет и твое дерево, что твое яблоко будет слаще? Но, если их дерево плодоносит яблоки, твое – груши. Если они взрастили грушу, ты – орех. Орех тоже горек, если откусить скорлупу и не каждому по зубам. Кто хочет познать вкус ореха, должен добраться до ядра...

1988

О ГОРДОМ ЗАКРИ

Предисловие

Ко мне пришла племянница Малика, чтобы подготовиться к экзамену по чеченскому фольклору. С детства увлеченный устным народным творчеством, я детально ответил на все ее вопросы. Затем подумал: «Если все это записать, можно и учебник составить. Чего же ждут наши ученые?».

Интересная картина получается! Студенты национального отделения вынуждены читать книги на русском языке, чтобы сдать экзамен на чеченском. Неужели этот учебник по чеченской фольклористике должен написать я, учитель сельской школы-интерната? Не потому ли я и оказался здесь, что нигде больше не нашел работу? Директор приходится зятем. Иначе скитался бы до сих пор. Свободный писатель...

– Нам сказали, что для допуска к экзамену надо записать что-нибудь из фольклора: сказки, были, анекдоты, религиозные песнопения.

– У вас же летом будет практика?

– Да. Обещали, если мы принесем эти записи, достаточно будет ответить на один вопрос.

– Это выгодно и ему, и вам.

– Расскажешь?

– Давай напишу?

– Было бы здорово!

– Кто ваш преподаватель?

– Мунаев.

– Исмаил?

– Да.

Я окончил университет в прошлом году, но мысленно остался привязан к этому храму. Особенно с большой теплотой вспоминаю время, проведенное в аудитории вместе с Шарани Джамбековым, который был для своих студентов не только преподавателем, но и другом.

– Шарани в отпуске?

– Скорей бы он вернулся! Все говорят, что он лучший!

– Он, смеясь, ставит двойки.

– Почему?

– По доброте душевной.

– О, Аллах! Что же нам делать?

– Надо учить.

Когда она прошла в соседнюю комнату, я сел писать. Я вспомнил Гордого Закри, по прозвищу «Князь Закри». В книге Умара Ахмадова «Шуточные рассказы и старинные были» (Грозный, 1982 г.) есть про него три рассказа: «Князь Закри» (о хождении в лес по дрова), «За столом» (про галушки), «Странная смерть» (кончина из-за любимой девушки). Во всех этих трех сюжетах у нас с Ахмадовым есть некоторые отличия или расхождения, потому что, как он сам пишет, «народная фантазия широка и глубока». Причиной возникновения различных вариантов может быть и то, что эти рассказы до последнего времени не были записаны и опубликованы. Люди, пересказывая друг-другу истории, вносят свои дополнения, изменения, когда что-то забывают.

Кто он, где родился и жил Закри?

Некоторые рассказывают, что он автуринец. Слышал я, что он был из тейпа «чартой». Жил он, по-видимому, во 2-й половине XIX и в 1-й половине XX веков.

Но главное даже не в этом.

В разные годы в нашей районной газете выходили статьи профессора Виталия Виноградова. Однажды он написал, что Бейбулат Таймиев родом из села Майртуп. Затем, что он из Шали. (Естественно, у читателей возникли разногласия!) Недавно в газете «Знамя Коммунизма» тот же автор пишет на эту тему очередную статью. Оказывается, что жители многих населенных пунктов республики считают Бейбулата Таймиева выходцем именно из их села.

– Так откуда же он был родом? – задается вопросом Виталий Борисович.

Поэтому, считаю необходимым еще раз уточнить: главное – не в том, когда и где родился тот или иной национальный герой (конечно, знать это полезно!), суть в том – каким он был человеком. Семь греческих городов боролись за право называться родиной Гомера. В истории немало таких примеров. Если бы они не были достойными людьми, кто бы сегодня оспаривал их происхождение? Завистливые, кичливые, подлые, жалкие людишки не нужны никому: ни шалинцам, ни майртуповцам, ни курчалоевцам...

И тут я подумал: «Нельзя допустить, чтобы эти рассказы пылились где-то в архиве, дожидаясь, что через сотню лет, возможно, рука исследователя докопается до них. То, что вовремя не записано с указанием имен героев и автора, превращается в сказку: жил-был, говорят, некий Мулла-Насреддин... Раз уж я решил написать о Гордом Закри, почему бы не опубликовать эти заметки и сделать достоянием людей?»

Эти миниатюры могут представлять интерес как для юных читателей, так и для более взрослых. Будет что рассказать на досуге. Кто знает, может быть, еще живы и потомки Закри.

Так появились двенадцать рассказов, «Предисловие» и «Послесловие».

В лесу

Никто не верил Закри. Даже родной отец. Ему порядком поднадоел характер сына. Что не поручишь ему, все делает одной рукой! А вторая – всегда на боку. Гордый! Дурной нрав, считал отец. Глупое чванство!

Однажды он послал Закри в лес за дровами, желая испытать его. Закри считал любой физический труд унижением для своего достоинства. Но не стал перечить отцу. Одной рукой запряг лошадь и, подболевшись, выехал со двора. Отец тайком последовал за сыном, решив уличить его в притворстве. Но увиденное поразило его! Закри, упершись рукой в бок, другой рубил сухие ветки и подтаскивал их к телеге. Отец молча вернулся домой и больше не принуждал его к работе, предоставив сыну полную свободу.

– Такова, видимо, воля Божья, – решил он.

Скромность

Закри был высокого роста. Тонкий стан, большие усы. К еде непривередлив. Какие бы яства не стояли перед ним, он всего лишь два-три раза откусывал. В гостях, чтобы не обидеть хозяина, он разрезал пополам яичный желток и довольствовался одной половинкой. Как бы долго не длились свадьба или вечеринка, Закри не вставал с места. Не менял даже позы, словно был изваян из камня. Сидел он, обычно, запрокинув ногу на ногу. Выходить из общей комнаты считал неприличным, боясь, что его кратковременное отсутствие может быть истолковано превратно. (Нелегко человеку идти по избранному пути, никому не давая повода злословить. Поэтому, наверное, народ и почитал его. Сегодня некоторые поступки Закри могут показаться высокомерными или глупыми. Настолько меняются со временем обычаи, традиции и сознание народа).

Но находились еще те, кто не верил Закри.

«Как можно жить, так мало питаясь? Разве он не человек?» – думали они.

Одной из них была соседка Закри. Одинокaя старушка. Она позвала Закри будто бы по делу. («Трудно женщине, когда в доме нет помощника»). Затем сказала, что не отпустит, пока не отведаст ее лепешек с творогом.

Поставила перед ним блюдо и вышла, сказав:

– Ешь спокойно, не стесняйся. Я должна зайти к соседке.

Сделав вид, что уходит, спряталась под окном и стала подглядывать. Закри медленно взял ломтик лепешки и съел. Немного подумав, съел еще кусочек. Еда была вкусной. Закри протянул руку в третий раз... Соседка ликовала. Но Закри отодвинул поднос и произнес:

– Бессовестное брюхо. Стоит чуточку расслабиться, а тебе еще хочется.

Оттуда идет чеченская поговорка: «Мужчина как на людях, так и наедине должен быть скромен в еде».

Мужчина

Закри никогда не раздевался перед сном и не ложился в постель, позволяя себе только прилечь.

– Почему ты не спишь спокойно, сняв верхнюю одежду? – спросили его.

– Не подобает мужчине искать в потемках штаны, когда в ночи кто-то зовет на помощь, – ответил он.

Сахар

Закри опускал кусочек сахара в чай и вытаскивал его со словами:

– Сладость ушла из тебя.

Собачий нрав

– Мы заставим его поступиться своей гордостью! – решили товарищи Закри.

У каждого достойного мужчины бывают враги, недоброжелатели и завистники. Они сговорились при случае натравить на него собаку. Как-то после вечеринки друзья расходились по домам. Закри с товарищем, который шел впереди, стали подходить к мосту, кто-то сзади спустил с цепи пса. Собака сходу набросилась на Закри и стала кусать его за ноги. Закри не растерялся и продолжал идти, не обращая внимания на налетчика.

– Закри! Отгони же эту собаку, она загрызет тебя! – прокричал товарищ.

– Она проявляет свой собачий нрав, – ответил Закри, – не могу же я уподобиться дворняжке.

Делать нечего, товарищу пришлось отогнать собаку.

Револьвер

– Закри, зачем ты носишь револьвер? Боишься, что в драке врага не осилишь? – спросили его.

– Я его ношу для того, чтобы выстрелить в подлеца, умыкнувшего девушку, если не смогу его догнать, – ответил Закри.

(Правда, эти же слова приписываются также одному притеречному шейху. «Для чего богослову револьвер?»)

Конь

Был у Закри замечательный скакун, которым он очень дорожил. Кумыкские князья, словно испытывая его, предложили:

- В обмен на твоего коня даем тебе целый табун лошадей.
- Я не пастух, – ответил Закри.

Самообладание

Однажды, когда Закри гостил у кумыкских князей, кто-то вошел и сказал:

- Конь нашего гостя лежит на земле и подыхает.

Все обернулись к гостю. Им была интересна реакция Закри, зная его любовь к четвероногому другу. Закри бесстрастно, словно речь шла не о его любимом коне, изрек:

- Назвать конем для него большая честь, на привязи у меня стоял ишак.

Княжна

Однажды, когда Закри был на пирушке с кумыкскими князьями, в комнату вошла княжна. Все встали, а Закри не шелохнулся.

Один из князей заметил:

- Вошла княжна, все князья встали. А ты – нет. Ты даже не князь! Что за неуважение?

– У вас возле каждой лужи, где встречаются две лягушки, есть князья и холопы, – ответил Закри. – У чеченцев нет холопов. Мы все князья. Что касается девушки... Да почитит ее Аллах!

Щедрость

Одинокой, растерянной женщине, у которой пропала скотина, Закри подарил свою единственную корову.

(В этом небольшом рассказе заложена большая мудрость. Кто более щедр: тот, кто дает немного от многого или тот, кто дает много от немногого?)

Князь Закри

Среди народа, который видел и знал обо всех поступках и высказываниях Закри, пошла молва: «Гордый Закри», «Князь Закри».

Однажды ему сообщили, что к нему в гости собираются кумыкские князья. Закри был опечален известием. У него не было возможности достойно принять гостей.

- В чем дело? Чем ты озабочен? – спросил его друг.

(Некоторые считают, что это был Али Митаев. Если это верно, тогда, действительно, Закри был автуринцем.)

– Я боюсь опозориться, – сказал Закри. – На сердце беспокойно, что не могу оказать им достойный прием, который они часто оказывали мне.

- Всего-то? Это не беда! Да избавит нас Аллах от худшего! – успокоил его друг.

Он был зажиточным человеком. Имел большой двор, добротный дом. Что он сделал? Прежде всего, освободил жилище от домочадцев, отослав жену с детьми к родителям, пока гости не уедут. Затем весь двор устлали коврами. Поставили широкие и длинные столы. Приготовили разные вкусные кушанья. И вместе с родичами на конях встретил гостей на окраине села.

Три дня и три ночи пировали гости, а подростки обслуживали их. Уезжая, кумыкские князья сказали:

– Закри, ты и вправду оказался князем!

Смерть

Смерть Закри люди описывают по-разному.

Вариант 1. Несколько раз Закри, случайно услышал, как женщины судачат:

– Закри уже не тот, что прежде.

Однажды он споткнулся и упал. Девушка, проходившая мимо, спросила:

– Не больно ушибся, старик?

– Нет, но твои слова причинили мне боль, – ответил Закри.

Это сильно ранило его сердце. Чтобы сохранить свое имя и не перечеркнуть свои дела, Закри застрелился из пистолета.

– Надо оставить этот мир, когда он отворачивается от тебя.

Вариант 2. Закри не был женат. (С позиций сегодняшнего дня нам трудно судить о многом. Но причина его холостяцкой жизни, если верен 2 вариант, видится в супружеском долге. Очевидно, он считал, что, разделив ложе с женой, он потеряет первозданную чистоту тела и души.

Этому мнению созвучно и поведение другого фольклорного героя – Чоры. Когда у него спросили:

– Чора, почему ты не женишься? – он ответил:

– Тех, кто ходят по земле, я не люблю, а тех, кто витают в небе, не существует. (Шима Окуев. «Чора», Грозный, 1969, 85 стр.)

И все-таки, Закри суждено было испытать горечь любви. (То ли сожалел об ушедшем времени, когда думал, что никогда не состарится, то ли до сих пор не встречал девушку своей мечты.)

– Пошла бы она за меня? – спросил Закри у свахи.

– Пойду, когда все пойдут, – ответила девушка.

(В смысле, приду на похороны.)

Закри не стерпел такого оскорбления, вернулся домой и принял смерть.

Вариант 3. По другим сведениям, поводом для смерти послужило заражение от укусов собаки. Когда боли усилились и терпеть боли стало невмоготу, Закри стал отстреливать себе пальцы ног и приговаривать:

– Какой же ты трус, однако!

Послесловие

Завершая повествование о Гордом Закри, хочется сказать, я несколько не сомневаюсь в том, что образ Закри не выдуман народом.

Но может ли человек обладать таким духом?

Приведу другие примеры.

Мой прадедушка по матери Муслим Эпендиев из Шали, был известным в Чечне и Дагестане народным целителем. Бесплатно лечил больных. Он досконально знал о полезных свойствах трав, место и время их цветения. В каких пропорциях и как готовить то или иное снадобье. Ничего удивительного, ведь его предки были исламскими учеными, шейхами. К тому же он считался лучшим учеником Хож-Али-Хаджи, известного алима из села Гехи.

Есть хадисы о том, что пророк Мухаммад (да благословит его Аллах и приветствует!) и его сподвижники для приглушения чувства голода привязывали к животу камни.

Я слышал от старших, что из-за ежедневного поста, у Муслима была очень тонкая талия и ему приходилось носить маленькую подушечку, чтобы на поясе держался ремень.

Кунта-Хаджи Кишиев из Иласхан-Юрта, Дохтукаев Янгильби-Хаджи из Курчалоя и Товмирзаев Чиммирза из Майртупа, как и многие чеченские авлия, много дней и ночей провели в халбате, отрешившись от всего земного. (Халбат – это уединение, своего рода келья суфия, погреб, где человек ведет аскетический образ жизни, предаваясь молитвам и размышлениям об Аллахе.)

Улхаев Шамиль, сын Баи, рассказывал:

– Мне было около четырнадцати лет, когда нас выслали в феврале 1944 года. И стар и млад, мужчины и женщины вместе находились в товарных вагонах.

Ехали мы около двух недель. Много было остановок в пути. И все это время мой отец Баи просидел на одном месте, не притрагиваясь к пище. Иногда наш эшелон останавливался, пропуская другие поезда. Попытка выйти по нужде приравнивалась к побегу. Кара была жестокой – расстрел! Не давали хоронить умерших и убитых. Едва успевали присыпать трупы снегом, как состав трогался с места. Много девушек и молодых женщин скончалось в пути от разрыва мочевого пузыря. Теперь я понимаю, почему отец отказывался от еды...

Баиев Усман рассказывал:

– Как-то мой дед купил на базаре великолепного скакуна. Случайный встречный восхищенно воскликнул: «Счастливчик! У меня-то никогда не будет такого коня». Услышав эти слова, Баи слез с коня и подарил его тому мужчине.

В истории всех народов бывают периоды, когда они начинают высмеивать то, что когда-то казалось великим и славным. Видимо, поэтому появился и следующий анекдот.

Однажды, в студеной зимний день, на улице стоял человек. Голодный, одетый бедно и не по погоде, он весь дрожал от холода. На поясе у него висел пистолет.

– Зачем тебе пистолет? – спросили его.

– Чтобы выстрелить, оказавшись в бедственном положении, – ответил он.

– Можешь смело стрелять! – сказали ему. – Вряд ли ты дождешься более тяжелого дня.

Человечество, смеясь, расстается со своим прошлым, писал Маркс. Яркий тому пример – «Война мышей и лягушек», как пародия на доблесть и военные подвиги древних греков, воспетых Гомером в «Илиаде».

В нашем селе тоже есть мужичок, которого люди зовут «Гордый Закри». Хоть и невелик ростом, но с большим гонором. При словесной перебранке кто-то пригрозил ему:

– Растопчу!

– Не забудь снять обувь! – ответил Закри. Мол, для него это будет хороший массаж.

Впервые про Князя Закри я услышал от своих друзей: Шарипа Цуруева и Лемы Абдулкадырова из Герзеля, Асланбека Абдулмежидова из Нойбера и других.

Исрапил Музаев – старейший житель не только Курчалоя, но и всей Чечни. Участник русско-японской войны, он много чего знал и повидал на своем веку. Будучи студентом, я пару раз бывал у него. Несмотря на старческий возраст (ему давно перевалило за 100 лет!), у него была отличная память. Меня интересовали история и топонимия нашего села. И тогда же, не удержавшись, спросил его о Гордом Закри. Исрапил поведал мне несколько рассказов о нем.

Закри был худощавым и ловким мужчиной, постоянно носил черкеску и бешмет. На правом плече висело ружье, а на поясе – сабля.

Один из богачей, желая высмеять Закри, спросил с подколом:

– Отличное ружье! Закри, откуда оно у тебя?

– Я забрал его у такого, как ты! – ответил Закри.

Закри часто бывал в разъездах, на кумыкских землях и за Тереком.

– Что нового за Тереком? – спросили у Закри. – Много ли коней ты видел на выпасе?

– За Тереком я оставил всего лишь пару жеребых кобыл! – ответил Закри.

О случае во время танца княжны, Исапил рассказал, что это было в Брагунах. Когда на танец вышла княжеская дочь, все встали, кроме Закри. Князя послали к нему человека, прося, чтобы он подошел.

– У кого есть ко мне дело, пусть сам подходит, – ответил Закри.

Один из офицеров подошел и сказал:

– Когда княжна вышла танцевать, все встали, один ты не встал. Почему?

– Вы лишь князя нескольких холопов, живущих среди этих болот. А я князь целого края! – ответил Закри.

О смерти Закри Исапил сказал:

– Услышав сплетню, что он признался в любви замужней женщине, Закри не вынес этого и застрелился.

Собираясь на зикр, старики любят вспоминать былое: и тяготы жизни во времена высылки, и дела давно минувших дней... Какой бы тяжелой она не была, молодость вспоминается всеми в радужном свете. В один из таких вечеров я услышал от Хамзата Закриева:

– Когда автуринцы распределяли земельные наделы, Закри взял себе пойму реки Хуло. Люди, смеясь, отдали ему этот участок. Со временем, когда жизнь начала налаживаться и люди стали строить жилище, пришлось идти к реке собирать камни. И тогда Закри начал собирать дань с тех, кто вчера посмеивался над ним. И хорошо зажил.

Абдулмежидов Асламбек как-то заметил: «Мог ли он знать о том, что люди так много будут говорить о нем?».

Наверное, знал!

В отличие от бездарных проходимцев, поэты, философы, настоящие мужчины равнодушны к мирской суете, к богатству и связанным с ним благам, к самой жизни и смерти. Настоящий поэт, философ и мужчина независим от ложных ценностей своих современников. Он всегда будет дистанцироваться от власти, которая угнетает народ, обманывает его и сеет вражду между людьми. Любовь к истине, стремление постичь его, ограждает таких людей от всяких преступных замыслов и жестокости. Иначе, зачем принял чашу с ядом Сократ? Каждый человек сам создает свое имя, свой имидж. Дела и поступки действительные или показушные – все это проявляется со временем. Если бы Гордый Закри был поэтом, он, наверное, сказал бы:

– Я памятник себе воздвиг нерукотворный!

Вчера вечером, когда я печатал эти рассказы, к нам в гости пришел друг моего отца Дукка Мусаев. Уже много лет, с первых дней болезни отца, он читает ему Ясин. Еще в царские годы они вместе окончили медресе. После инсульта отец потерял память, но чтение Корана благотворно влияет на него. Я зашел к ним, когда они пили чай и в разговоре, как-то спросил:

– Дукка, ты слышал что-нибудь о Гордом Закри?

– Как же? Он был двоюродным братом моей матери.

– Расскажи о нем, что ты знаешь, – попросил я.

По его словам, Закри был рослым человеком, с пышными усами. Даже летом носил бурку. В гостях ничего не ел, только делал два-три глотка чаю. Больше ничего нового я не услышал, только известные уже рассказы.

– Я тогда был молодым, – сказал Дукка.

– А мать откуда была родом?

– Из Автуров.

Размышляя о судьбе Закри, я задаю себе вопросы.

Кем он был для своих современников: чудачком, рыцарем, комиком или своего рода Дон Кихотом, гордецом или безумцем?

Что им двигало: истинное или ложное эго?

Думаю, он был очень несчастным человеком. Еще в юношестве, поверив в свою особенность, ему пришлось нести это тяжелое бремя. И на людях, и наедине с самим собой. В конце пути он пережил глубокое разочарование в людях и в самой жизни...

Аллах знает лучше!

1989

АВТОПОРТРЕТ

Пролог

Листаю критические материалы редакционной коллегии журнала «Иностранная литература».

Как отметил Белинский, критические и библиографические страницы читают теперь раньше повестей. В литературе настал век сознания, считал он. А для меня, более того, это оружие.

Говорят, что Чехов был скромным. (Клянусь, не сладко бы ему пришлось, живи он сегодня среди чеченцев!) Ни одна газета не напечатала бы его рассказы. Вместо того чтобы выделить положительное в твоём рассказе, редакторы начинают искать недостатки. Им нужны готовые шедевры. Каждый сравнивает твоё произведение с творчеством любимых и уважаемых им писателей. Один рассказывает о Фолкнере, другой – о Моравиа или Маркесе, третий – о Кафке или Прусте.

– Вспомни «Граматику любви», – говорит Ислам Эльсанов. – Какой чистый рассказ! Ты читал Бунина? У тебя все слишком открыто, голо. В общежитии литинститута было много студентов, писавших, как ты. Но это не литература, и не имеет будущего. И еще, почему ты даешь оценку происходящему? Какое право имеет автор оценивать того или иного героя?

Иногда я удивляюсь. Как они могут создавать себе кумиров из одного или двух писателей? Я бы их понял, если бы они не были творческими людьми.

Да, я читал и люблю Бунина. Но я знаю его не только по «Грамматике любви», но и как автора рассказов «Руся», «Натали», «Гая Ганская», «В Париже». Неужели и я должен начинать с таких произведений, как «Суходол» и «Грамматика...», чтобы потом, в старости, написать «Митину любовь» и «Темные аллеи»?

Что бы ответил Бунин, на предложение писать, как Пушкин, Толстой или Чехов? Какими бы хорошими писателями они ни были.

Как воспринял бы Пушкин, если бы критики по поводу «Евгения Онегина» возразили:

– С каких пор девушки первыми пишут любовные письма? О чем ты говоришь? Посмотри на «Бедную Лизу» Карамзина. Какой благородный рассказ!

Как воспринял бы Гоголь слова:

– «Невский проспект»? То, что ты идешь по проспекту и записываешь все, что видишь еще не литература. Литература – это вымысел, а не копирование жизни!

Так можно извратить любого писателя. Примеров не счесть. Но литература состоит не только из Гомера и Толстого. В литературе есть Овидий и Мопассан. Дон Кихот или Дон Жуан ничуть не хуже Ахиллеса или Наполеона!

Нет такой книги, которую я не читаю. Все, что подвернется под руку. Но никогда не выделял из них одну или две. И чеченская литература меняется с каждым днем. Скажем, делает успехи. Я читаю и Ахмадова, и Эльсанова. И стараюсь понять их. Видел, как читатели критиковали их. (Но это не мешает им издавать свои книги.)

Удивителен этот мир! Может, и они считают, что их никто не понимает. Наверное, об этом стих Лукиана:

Все это я, Лукиан, написал, зная глупости древних.

Глупостью людям, порой, кажется мудрость сама.

Нет у людей ни одной безупречно законченной мысли.

Что восхищает тебя, то пустяки для других.

1

Не хочу, чтобы люди считали пустяком то, что я считаю делом своей жизни. Если критика в мой адрес – это Дамоклов меч, на мне должна быть «броня» знаний. Поэтому читаю не только художественную литературу, но критические и литературоведческие работы.

Поразительно, до чего могут ошибаться критики и историки литературы в оценке писателя. Белинский умер с сожалением, считая, что он переоценил молодого Достоевского. Долгое время во Франции держалось мнение, что гений Бальзака «начинается с изображения вульгарного и порочного» (Лансон). Но цель писателя быть не увеселителем публики, а улучшать нравы своего времени, считал Бальзак.

Нужно громко говорить о болезнях современного общества, чтобы вылечить его, утверждал Золя. И я придерживался этой концепции. Но у наших издателей и критиков другое мнение.

...Я начал свою одиссею с редакции газеты «Знамя коммунизма» (Шалинский район). Хамид Хатуев переехал на работу в Грозный, сказали мне. «Отделом культуры» заведовал Абу Уциев. Пародист.

Я дал ему несколько рассказов. Намереваясь выпустить около двадцати рассказов, прежде чем отдать в книжное издательство, я хотел узнать, как люди их воспримут. Районная газета показала бы это.

– С уходом Хамида работа нами не заброшена, – рассказывал Абу.

Пригласил на ежемесячное собрание литературного объединения. Там я нашел нескольких товарищей. В том числе и Сайд-Али Юсупова, лет 50. Его короткие рассказы вышли в свет в коллективном сборнике «Солнце в глазах» (1986 г.). Его считали здесь главным специалистом по прозе. Особенно перед начинающими.

Мне предоставили слово. Я прочитал небольшой рассказ о злой мачехе, о нелегкой судьбе брата и сестры, рано лишившихся родителей. Скорее, это была миниатюра или притча, основанная на реальных событиях, с использованием фольклорных мотивов. Началось обсуждение. Первым высказался Сайд-Али.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.